

ЛИВИЯ НОРВЕЙН

НАСЛЕДНИЦА НЕЗНАКОМЦЕВ

Ливия Норвейн

Наследница незнакомцев

«Автор»

2026

Норвейн Л.

Наследница незнакомцев / Л. Норвейн — «Автор», 2026

Моей семнадцатилетней дочери незнакомый мне мужчина оставил квартиру. Через день другой показывает завещание на загородный дом. А вскоре его находят убитым. Оба мужчины связаны с трагедией двенадцатилетней давности, в которой погиб мой муж. Тогда его объявили виновным. Пока я пыталась забыть прошлое, Соня тайно искала правду: встречалась с людьми, знавшими её отца, записывала разговоры и требовала признаний. Теперь эти записи выглядят как угрозы, а чужое наследство — как мотив убийства. Я должна защитить дочь. Но сама скрыла важную улику и солгала следователю. А когда обнаруживается третье завещание, я понимаю: кто-то намеренно связал судьбы этих людей с моей дочерью. И женщина, составившая последнее завещание, ещё жива. Пока. Кто превратил поиски правды в смертельную ловушку — и успеем ли мы остановить следующую смерть?

© Норвейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Чужая квартира	5
ГЛАВА 2. Живой завещатель	31
ГЛАВА 3. Фамилия отца	59
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ливия Норвейн

Наследница незнакомцев

ГЛАВА 1. Чужая квартира

В понедельник, двенадцатого октября, у меня не сошлась ведомость по авансам на четыре тысячи восемьсот рублей.

Ошибка нашлась быстро. Мастер третьего участка дважды внес одни и те же сверхурочные, а программа послушно посчитала их два раза. Я исправила строку, проверила итоговую сумму и уже собиралась отправить ведомость главному бухгалтеру, когда на столе зазвонил внутренний телефон.

— Нина Андреевна, к вам женщина, — сообщила Таня с проходной.

— По какому вопросу?

— Говорит, личный.

— У меня рабочий день.

— Я ей сказала. Она ответила, что у нее тоже был рабочий день, пока ваша дочь не получила квартиру ее отца.

Я убрала руку с мышки.

— Что она сказала?

Таня помолчала.

— Нина Андреевна, может, вы сами выйдете?

Через минуту я стояла в коридоре перед женщиной лет сорока. На ней было темное пальто, слишком легкое для холодного октябрьского утра, и серый шарф, обмотанный вокруг шеи с такой тщательностью, будто она собиралась на мороз. Волосы были собраны в низкий хвост. Под глазами лежали тени, которые не скрывала косметика.

Женщина держала прозрачную папку. Сквозь пластик просвечивали распечатанные фотографии.

— Вы Нина Рябинина? — спросила она.

— Да.

— Мать Софьи Рябининой?

— Да. Что случилось?

— Меня зовут Ирина Малинина. Борис Малинин был моим отцом.

Я ждала продолжения.

Фамилия мне ничего не говорила. Я перебрала в памяти поставщиков нашей компании, сотрудников, которых принимала на работу за последние два года, соседей по подъезду. Малинина среди них не было.

— Ваш отец у нас работал? — спросила я.

Женщина посмотрела на меня так, словно я задала особенно глупый вопрос.

— Нет. Он умер.

— Примите соболезнования.

— Спасибо.

Она произнесла это механически, не меняя выражения лица.

— Я хочу, чтобы ваша дочь отказалась от его квартиры.

Несколько секунд я пыталась понять, не ослышалась ли.

— Простите?

— От квартиры, которую отец ей завещал. Я понимаю, что Софья несовершеннолетняя, поэтому пришла к вам. Я не собираюсь разыскивать девочку у школы и устраивать с ней разбирательства.

Я оглянулась на дверь бухгалтерии.

За ней работали три женщины. Если Таня уже пересказала разговор с проходной, новость наверняка добралась до третьего участка быстрее, чем исправленная мной ведомость.

— Давайте пройдем в переговорную, — предложила я.

Ирина ничего не ответила, только поправила ремень сумки.

Наша переговорная помещалась между отделом кадров и лестницей. Небольшой стол, четыре стула, электрический чайник и окно на складскую площадку. Там обычно подписывали документы с подрядчиками, которые не хотели подниматься на второй этаж.

Я закрыла дверь.

— Садитесь.

Ирина осталась стоять.

— Мне не нужна ваша квартира, — сказала я. — И моей дочери тоже.

— Странно. По документам получается иначе.

— Я впервые слышу имя вашего отца.

— Вы можете говорить что угодно.

— Тогда объясните, пожалуйста, о каких документах речь.

Она села, открыла папку и вынула лист в прозрачном файле.

Я наклонилась над столом.

Это была копия нотариального документа. Я успела прочитать фамилию, имя и отчество Бориса Малинина, дату — восемнадцатое сентября — и строчку с данными наследницы.

Софья Павловна Рябинина.

Моя дочь.

Не просто совпадающая фамилия. Не другая Соня из соседнего района.

Ее полное имя, дата рождения.

Я выпрямилась.

— Откуда у вас это?

— Среди бумаг отца была копия. Потом я обратилась к нотариусу. Вы хотите сказать, что ваша дочь ничего не знает?

— Именно это я и говорю.

— Ей семнадцать, Нина Андреевна. Не семь.

— Я знаю, сколько лет моей дочери.

— Тогда, возможно, стоит спросить, где она проводила лето.

Ирина произнесла это уже не так резко. Скорее устало.

Я посмотрела на копию еще раз.

Восемнадцатое сентября. Три с небольшим недели назад.

— Какую квартиру он завещал?

— Свою. Двухкомнатную. На улице Морской. Он прожил там сорок лет.

— И больше никому ничего?

— Что значит «больше никому»?

— Я пытаюсь разобраться. Может быть, это часть какого-то благотворительного соглашения? Или ваш отец помогал организации, где занимается моя дочь?

— Квартиру? — Ирина усмехнулась, но смех вышел коротким и неприятным. — Благотворительной организации? Не организации он ее оставил. Вашей дочери.

Я услышала, как в соседнем помещении зажуужал принтер.

Бумагу зажевало. Кто-то негромко выругался.

Мне захотелось вернуться туда, где неприятности имели понятную причину и исправлялись заменой одной цифры.

— Давайте сначала разберемся, — сказала я. — Соня занимается волонтерством. Помогает пожилым людям. Насколько я знаю, там бывают одинокие пенсионеры. Возможно, ваш отец был одним из них.

— Он был не одиноким пенсионером. У него была дочь.

Я промолчала.

— Я работаю в Ключевске, — продолжила Ирина. — У меня своя семья, работа, смены. Я не могла приезжать ежедневно. Но я приезжала. Везла его по врачам, покупала лекарства, оплачивала то, на что ему не хватало пенсии. Когда он сломал очки, я заказывала новые. Когда у него начал барахлить холодильник, я нашла мастера. А теперь выясняется, что какая-то девушка, появившаяся у него несколько месяцев назад, заслужила квартиру больше меня.

— Я не утверждаю, что заслужила.

— Тогда почему он так решил?

— Я не знаю.

Ирина отвела глаза.

Ее пальцы сжимали край папки. Ноготь большого пальца был сломан почти у основания.

— Простите, — сказала она после паузы. — Я понимаю, что вы можете быть ни при чем. Но кто-то должен мне объяснить, что происходило с моим отцом.

Я кивнула.

Это была первая фраза, с которой я могла согласиться целиком.

— Покажите, пожалуйста, что у вас еще есть.

Она вынула фотографии.

Первую сделали в парке. На деревянной скамейке сидел пожилой мужчина с аккуратной седой бородкой. Рядом стояла Соня. На мужчине была коричневая ветровка, на Соне — светлая толстовка, которую мы купили в августе на распродаже. В руках она держала бумажный пакет с логотипом пекарни.

Оба улыбались.

Мужчина смотрел в камеру. Соня — на него.

Это была моя дочь. Ее можно было узнать даже со спины по тому, как она стояла, чуть перенесла вес на правую ногу.

Я придвинула фотографию ближе.

— Это Борис Сергеевич?

— Да.

На следующей фотографии Соня сидела на кухне.

Кухня была старой, но чистой: зеленая плитка над раковиной, белые занавески, круглый стол у окна. На столе стоял торт. Рядом с ним — чашка с цветочным рисунком, раскрытая коробка конфет и толстая папка, перетянутая тесьмой.

Борис Калинин наклонился к Соне, показывая что-то на экране планшета.

Она смеялась по-настоящему, запрокинув голову, с прищуренными глазами. Ничего общего с вежливой улыбкой на фотографиях с преподавателями.

Я давно не видела, чтобы дочь так смеялась при мне.

— Это его день рождения, — сказала Ирина. — Тридцатое августа. Шестьдесят восемь лет.

— Откуда вы знаете дату снимка?

— Она была в свойствах файла.

— Вы нашли фотографии в его телефоне?

— В планшете. Там целая папка. Он фотографировал каждую встречу.

Я взяла третью фотографию.

На ней Борис сидел за тем же столом, а Соня протягивала руку к небольшой открытой коробочке.

На ее запястье был браслет.

Тонкая серебристая цепочка, несколько темно-красных бусин и маленькая неровная подвеска в форме листа.

Я знала этот браслет.

Первого сентября Соня пришла домой после школы, бросила рюкзак у порога и принялась рассказывать, что Лера подарила ей украшение к началу учебного года. Я тогда еще спросила, не слишком ли дорогой подарок.

«Мам, это бижутерия. У Леры тетя делает такие на заказ. Перестань».

Я перестала.

Потом пару раз видела браслет на ее руке и однажды помогала застегнуть неудобный замочек.

— Это он ей подарил? — спросила я.

— Да.

— Вы уверены?

— Отец рассказывал, что выбирал украшение для девушки из волонтерского проекта. Даже спрашивал у меня, где можно купить что-нибудь не слишком вычурное.

Ирина помолчала.

— Я тогда подумала, что он хочет сделать подарок внучке кого-нибудь из соседей.

На снимке хорошо было видно, как Соня прижимает пальцем к ладони ту самую подвеску.

— Сколько фотографий? — спросила я.

— У меня здесь восемь. В планшете больше. Я распечатала те, где они вместе.

Я разложила снимки веером.

Борис и Соня у подъезда. Борис и Соня возле клумбы. Борис показывает ей потрепанную книгу. Соня сидит на подоконнике, держит в руках кружку. На одном кадре она поправляет ему воротник рубашки.

Восемь снимков.

И на каждом между моей дочерью и незнакомым мужчиной существовала какая-то общая жизнь, о которой мне ничего не рассказывали.

Я почувствовала неприятное, почти детское желание забрать фотографии и спрятать их.

Не потому, что на них было что-то предосудительное.

Наоборот.

Все выглядело слишком естественно.

— Соня говорила, что помогает пожилым людям, — сказала я. — Но конкретных фамилий я не спрашивала.

— А следовало бы.

Ирина произнесла это без злобы.

От этого стало еще хуже.

— Он жил один? — спросила я.

— После смерти мамы — да. Последние годы почти ни с кем не общался. По крайней мере, со мной.

— У него были проблемы с памятью? Вы говорили с врачом?

Ирина резко подняла голову.

— Отец был в здравом уме.

— Я не сказала обратного.

— Вы это подразумевали.

— Я спросила, потому что хочу понять, мог ли кто-нибудь воспользоваться его состоянием.

— А я хочу понять, не воспользовались ли вы.

Мы посмотрели друг на друга.

Теперь обе понимали, что разговор становится бесполезным, но никто не собирался первым уступить.

— Я работаю бухгалтером, — сказала я. — Уже восемнадцать лет. У меня ипотека, кредитная история без просрочек, официальная зарплата. Мы с дочерью живем в собственной квартире и чужого имущества не ищем.

Только произнеся это, я поняла, насколько нелепо звучит перечень моих финансовых достоинств.

Ирина тоже услышала.

— Вы думаете, я пришла проверять вашу платежеспособность?

— Нет. Но вы обвиняете мою дочь.

— Я пока не знаю, в чем именно.

Это прозвучало честно.

Я снова посмотрела на фотографии.

Лица старика и девушки, их улыбки, рука с браслетом.

Никаких доказательств обмана.

И все же я прекрасно понимала, почему Ирина сидит напротив меня.

Если бы кто-нибудь пришел и показал, что Соня оставила все, что у нее есть, постороннему человеку, я тоже захотела бы узнать, кто он такой.

— Когда умер ваш отец?

— Седьмого октября.

Я вспомнила прошлую среду.

Соня вернулась из школы позже обычного. Почти не ужинала. Я спросила, не поссорилась ли она с Лерой.

«Не начинай, мам. Просто устала».

Я отнесла ее молчание к подготовке к экзаменам.

— Что с ним произошло? — спросила я.

Ирина посмотрела в окно.

По складской площадке ехал погрузчик. На вилы была поднята палета с пустыми пластиковыми ящиками. Водитель остановился, пропуская другого работника.

— Упал на лестнице, — сказала она. — Его нашли соседи. Он еще был жив, когда приехала скорая, но врачи ничего не смогли сделать.

— Это случилось в его доме?

— Да.

— Полиция приезжала?

— Конечно. Меня спрашивали, принимал ли он лекарства, часто ли выходил из дома, были ли у него головокружения. У пожилых людей такое бывает. Я сама видела, как он два месяца назад оступился на бордюре.

Она провела ладонью по лицу.

— Простите. Я не могу сейчас об этом спокойно говорить.

— Не надо.

Впервые за все утро я увидела перед собой не рассерженную наследницу, а дочь умершего человека.

Она приехала в чужую бухгалтерию с фотографиями, потому что в квартире отца обнаружилась история, в которой ей не нашлось места.

Я вспомнила, сколько дней после смерти Павла не могла заставить себя выбросить из прихожей его старые ботинки.

В один ботинок попал песок. Я каждый раз замечала его на полу и все равно оставляла обувь там, где муж поставил ее в последний раз.

Чужие потери не делались меньше от того, что человек уже взрослый.

— Вы были на похоронах? — спросила я.

Ирина удивленно посмотрела на меня.

— Разумеется. Девятого октября.

— Простите. Я имела в виду... Соня там была?

— Нет. Я ее не видела.

Я кивнула.

Пятница. Соня ушла в школу, потом предупредила, что задержится в библиотеке, и пришла домой примерно в половине седьмого.

Я даже помнила, что она ела на ужин. Макароны с сыром. Просила не разогревать котлеты.

Оказалось, знание чужого ужина ничего не говорило о том, как человек провел день.

— Когда вы узнали о завещании? — спросила я.

— После похорон. Я начала разбирать документы и нашла копию. Потом обратилась к нотариусу. Отец никогда не говорил, что собирается сделать такое распоряжение.

— Вы обсуждали с ним квартиру?

— Последний раз — летом. Он сказал, что еще при жизни решит, кому что оставить. Я подумала, что он сердится из-за нашей ссоры.

— Вы поссорились?

Ирина потерела край шарфа.

— Из-за обычных вещей. Я хотела, чтобы он переехал ко мне хотя бы на зиму. Он отказался. Потом попросила не приглашать домой незнакомых людей, особенно когда меня нет рядом. Он сказал, что я распоряжаюсь его жизнью.

Она усмехнулась.

— Знакомая фраза?

Я невольно посмотрела на снимок Сони.

— Очень.

— Мы не разговаривали почти две недели, — продолжила Ирина. — Потом он позвонил, спросил про внука. Я ответила коротко. На следующий день собиралась перезвонить. Не перезвонила.

Она замолчала.

Я знала, что в таких случаях любые слова утешения звучат беспомощно.

Ирина закрыла папку, но фотографии оставила передо мной.

— Я не собираюсь говорить, что мой отец был ангелом, — сказала она. — Он умел обижаться. Умел молчать месяцами. Если считал себя правым, спорить было бесполезно. Но он не был человеком, который отдавал квартиру первой встречной девушке просто за помощь с телефоном.

— Возможно, они подружились.

— Возможно. Тогда почему никто ничего не сказал мне?

Я не нашла ответа.

Она достала из сумки телефон и показала экран. Там было сообщение от неизвестного мне номера с короткой подписью:

«Ирина, это контакт матери Софьи. Нина Рябинина. Работает в производственной компании. Вы хотели с ней поговорить, поэтому отправляю. Михаил».

В сообщении значился мой номер.

Ниже — адрес нашей работы.

— Кто такой Михаил? — спросила я.

— Координатор волонтеров. Из библиотеки. Он помогал отцу. После похорон я связалась с ним, потому что хотела выяснить, кто приходил к папе.

— Соня его знает?

— Должна знать. Он сказал, что работает с вашей дочерью.

Я вспомнила, как в начале лета Соня просила разрешения записаться в добровольческий проект.

Мы тогда сидели на кухне. Она рассказывала про помощь пенсионерам, доставку книг, обучение работе с телефоном. Я попросила показать страницу организации, убедилась, что группа действительно существует при районной библиотеке, и согласилась.

В анкете был контакт родителя.

Соня вписала мой номер.

Позже она однажды дала мне телефон координатора, чтобы я могла позвонить, если дочь задержится. Я сохранила контакт под названием «Михаил. Волонтеры».

За все лето позвонила ему один раз, когда у Сони разрядился телефон. Он ответил, что девочки уже едут домой.

Я не спросила его фамилию.

— Я знаю, о каком проекте речь, — сказала я. — С координатором поговорю.

— Вы ему доверяете?

Вопрос застал меня врасплох.

— Я почти с ним не общалась.

— А дочь?

— Судя по всему, да.

— Он произвел на меня хорошее впечатление, — сказала Ирина. — Спокойный, внимательный. Не пытался вмешиваться в наши семейные дела. Дал телефон, объяснил, что несовершеннолетней лучше не звонить напрямую. И сказал, что Софья действительно помогала отцу, а не просто иногда приходила к нему домой.

Я записала имя в блокнот.

Рядом поставила вопросительный знак.

Не потому, что подозревала координатора в чем-то плохом. Просто мне требовался человек, который мог объяснить, где и с кем встречалась моя дочь.

— Что вы хотите от меня сейчас? — спросила я.

Ирина задумалась.

— Хочу, чтобы вы поговорили с Соней. Чтобы она отказалась от квартиры. Не сегодня, не здесь. Я понимаю, что все нужно оформлять официально.

— Я не могу обещать отказ, пока не поговорю с дочерью и не выясню обстоятельства.

— Вы ведь сами сказали, что квартира вам не нужна.

— Да. Но решение касается Сони, и она несовершеннолетняя. Я не стану ничего подписывать под давлением.

Ирина стиснула губы.

— Под давлением?

— Я не говорю, что вы угрожаете. Я говорю, что мне нужно разобраться.

Она собрала бумаги резким движением.

— Что ж, разбирайтесь. Только не слишком долго.

— Почему?

— Потому что отец уже умер. А я не хочу провести следующие полгода в судах, доказывая, что я его дочь, а не посторонний человек.

— Ваше родство никто не оспаривает.

— Завещание говорит об обратном.

Она поднялась.

Я тоже встала.

— Можно мне оставить фотографии и копию завещания? — спросила я.

Ирина посмотрела на них.

— Забирайте. Может быть, тогда ваша дочь объяснит хотя бы вам, почему мой отец был с ней так близок.

Она передала мне снимки и копию завещания.

У двери остановилась.

— Нина Андреевна, вы меня можете не любить. Я сегодня наговорила лишнего. Но представьте на минуту, что это ваша дочь. Вы всю жизнь думаете, что знаете ее. А потом после ее смерти находите завещание на человека, имени которого никогда не слышали.

Я опустила глаза на фотографии.

— Я понимаю.

— Нет, — сказала Ирина. — Пока нет.

Она вышла.

Я еще немного стояла посреди переговорной, держа в руках чужую семейную историю.

Потом вернулась в бухгалтерию.

На моем мониторе по-прежнему была открыта ведомость. Четыре тысячи восемьсот рублей стояли теперь в правильной строке.

— Все нормально? — спросила Света, сидевшая напротив.

— Да.

Я положила фотографии в ящик.

— Семейные дела.

Света кивнула и не стала расспрашивать.

За это я была ей благодарна.

Через двадцать минут я обнаружила, что уже в третий раз проверяю одну и ту же колонку.

Цифры сходились.

Сосредоточиться не получалось.

Я открыла переписку с Соней.

Последнее сообщение было от вчерашнего вечера:

«Мам, купи бумагу для принтера, пожалуйста. У меня закончилась».

Я ответила:

«А4?»

«Нет, ватман. Конечно, А4».

Я отправила смеющийся смайлик.

В другой жизни это была бы обычная переписка матери с дочерью.

Теперь я смотрела на нее и пыталась вспомнить, когда мы в последний раз разговаривали о чем-то, кроме продуктов, уроков, расписания и денег.

Не переписывались. Именно разговаривали.

Соня училась в одиннадцатом классе. Готовилась к экзаменам, собирала портфолио для поступления на графический дизайн, занималась волонтерством. Летом она устроилась помогать библиотеке и гордилась тем, что теперь может делать что-то полезное без моих указаний.

Я тоже гордилась.

Иногда даже рассказывала коллегам, какая у меня самостоятельная дочь.

Тогда слово «самостоятельная» казалось мне исключительно хорошим.

Я написала:

«Соня, после школы домой. Нужно поговорить».

Подумала и добавила:

«Ничего срочного. Просто не задерживайся».
Потом удалила второе сообщение до отправки.
Нечестно успокаивать человека, когда тебя саму трясет от неизвестности.
Вместо этого я набрала:
«Напиши, когда закончишь занятия».
Ответ не пришел.
Я посмотрела на часы.
Одиннадцать двадцать семь.
У Сони шел урок.
Телефон наверняка лежал в рюкзаке. Она всегда ставила его на беззвучный режим.
Я заставила себя закрыть переписку.
Через пять минут открыла снова.
Ничего.
Я взяла лист бумаги и записала все, что знала.
Борис Малинин. Шестьдесят восемь лет. Умер седьмого октября. Квартира на Морской.
Завещание от восемнадцатого сентября.
Софья Рябикина. Семнадцать лет. Волонтер. Знакома с Малининым как минимум с августа.
Михаил. Координатор.
Ирина Малинина. Дочь. Узнала о завещании после смерти отца.
Браслет.
На последнем слове ручка остановилась.
Я обвела его.
Браслет был мелочью по сравнению с квартирой. Какая разница, кто подарил девушке украшение?
Но именно из-за браслета мне стало трудно верить всему остальному.
Соня не просто забыла упомянуть пожилого человека. Она придумала отдельное объяснение для вещи, которую получила от него.
И я не знала, что еще она придумала.
До обеда я работала почти механически.
Отправила ведомость. Позвонила мастеру третьего участка и попросила в следующий раз проверять часы до передачи табеля. Он начал спорить, но я назвала два номера строк, и он сразу согласился.
Проверила удержания.
Подписала служебную записку.
Около половины второго Света достала из холодильника контейнер с гречкой и спросила:
— Идешь есть?
Я посмотрела на свой нетронутый чай.
— Попозже.
— Ты с утра ничего не ела.
— Ела.
— Печенье не считается.
Я взяла контейнер с котлетой, которую приготовила вчера, и пошла на кухню.
Света села напротив.
Мы давно работали вместе. Она знала, что я не люблю, когда во время обеда обсуждают зарплаты коллег, и не спрашивала, почему я двадцать пятого числа проверяю приложение банка раньше, чем открываю почту.
В этот раз она тоже молчала.
Я разломил котлету вилкой.

— Свет, у тебя сын когда начал скрывать, куда ходит после школы?
Она перестала жевать.
— Что значит «скрывать»?
— Говорит одно, а оказывается другое.
— В седьмом классе, кажется. А что?
— Соня кое-что мне не рассказала.
Света вытерла губы салфеткой.
— Если речь о парне, лучше не устраивай ей допрос с пристрастием.
— Не о парне.
— Тогда вообще не представляю, что тебя так напугало.
Я посмотрела на нее.
Света пожала плечами.
— Нин, она же у тебя не пьет, домой ночевать приходит, учится хорошо. Может, просто не хочет отчитываться за каждый шаг?
— Возможно.
— А может, ты уже заранее решила, что она виновата?
Я открыла рот, но не нашлась что ответить.
— Ты ей сначала дай рассказать, — посоветовала Света. — Мой с возрастом совсем перестал отвечать, если чувствовал, что я уже придумала за него объяснение.
Я кивнула.
Совет был разумным.
Я даже решила ему последовать.
Но, вернувшись к столу, все равно достала фотографии и еще раз посмотрела на браслет.
В половине третьего Соня ответила:
«У нас еще два урока. Что случилось?»
Я написала:
«Ко мне приходила дочь Бориса Малинина».
Сообщение ушло.
Над ним почти сразу появились три точки.
Исчезли.
Появились снова.
«Ирина?»
Я выпрямилась.
Соня знала имя.
«Да».
Две минуты не было ответа.
Потом пришло:
«Я буду дома после пяти».
Ни одного вопроса: ни «зачем она приходила», ни «что сказала».
Я перечитала переписку несколько раз.
Возможно, Соня просто была на уроке и не могла отвечать.
Возможно, испугалась.
Но я уже заметила, что не способна рассматривать ее слова без подозрения.
Если бы дочь написала десять вопросов, я решила бы, что она пытается заранее выяснить, сколько мне известно.
Она написала одну фразу, и я решила, что она все знает.
Я закрыла телефон.
На этот раз положила его экраном вниз.

Вечером я вышла с работы на двадцать минут позже обычного.

Погода за день испортилась. Дождь начался еще после обеда, а к шести ветер разогнал по тротуару мокрые листья. Под остановочным навесом стояли люди, прижимаясь друг к другу плечами.

Я не стала ждать автобус и пошла пешком до супермаркета.

Мне нужно было купить молоко, хлеб и бумагу для принтера.

Покупки казались нелепо важными.

Если сегодня вечером случится скандал, если Соня действительно втянулась в какую-то историю, если нам придется обращаться к адвокату, значит, хотя бы молоко должно быть в холодильнике.

В магазине я долго стояла у полки с молочными продуктами и сравнивала цены. Потом поймала себя на том, что уже третью минуту смотрю на два одинаковых пакета и не помню, чем они отличаются.

Взяла тот, который покупала всегда.

На кассе расплатилась картой.

Телефон коротко завибрировал: банк прислал уведомление о списании.

Остаток на счете был чуть больше двадцати трех тысяч.

Через тринадцать дней предстояло внести платеж по ипотеке — восемнадцать тысяч семьсот сорок рублей.

До следующей зарплаты дожили бы.

Мы всегда доживали.

Я редко говорила Соне, сколько денег у нас остается к концу месяца. Не хотела, чтобы она чувствовала себя обязанной отказываться от школьных поездок, подарков друзьям или принадлежностей для рисования.

При этом дочь сама замечала, когда я начинала покупать сыр по акции и переставала заказывать кофе по дороге на работу.

Однажды она спросила:

«Мам, а если бы у нас вдруг появились лишние деньги, что бы ты сделала?»

Я ответила, что закрыла бы ипотеку.

Она задумалась.

«А потом?»

«Купила бы нормальный диван».

«А потом?»

«Пошла бы спать на нем».

Соня рассмеялась.

Тогда я не спросила, почему ей это интересно.

Теперь мне захотелось вспомнить, когда именно состоялся разговор.

Летом?

В сентябре?

До оформления завещания или после?

Я остановилась посреди торгового зала.

Женщина с тележкой попросила пропустить ее.

Я отодвинулась и почувствовала, как злюсь на себя.

Неужели мне теперь придется проверять каждое слово дочери на скрытый смысл?

Выйдя из магазина, я набрала Соню.

Она ответила почти сразу.

— Мам, я дома.
На заднем плане негромко играла музыка.

— Хорошо. Я скоро буду.

— Ты где?

— Возле магазина.

— Взяла бумагу?

Я посмотрела на пакет.

Хлеб, молоко, яйца.

Бумаги не было.

— Забыла, — призналась я.

— Ничего, завтра купим.

Пауза.

— Мам?

— Да?

— Ты сердишься?

Я остановилась под козырьком магазина.

Мимо проходили люди, раскрывая зонты.

— Я хочу разобраться, Соня.

— Это я уже поняла.

— Тогда поговорим дома.

— Хорошо.

Она не стала ничего добавлять.

Я отключилась и вернулась в магазин за бумагой.

Домой шла пешком.

Не потому, что хотела проветрить голову. Просто понимала, что если сяду в автобус, то за десять минут успею придумать еще несколько объяснений, и каждое будет хуже предыдущего.

Наш дом стоял в стороне от центральной улицы. Обычная девятиэтажка, построенная в конце девяностых. В подъезде постоянно пахло влажным бетоном, моющим средством и чьим-то ужином.

На первом этаже опять не горела лампочка.

Я поднялась на третий пешком.

За дверью квартиры играла музыка — тот самый негромкий инструментальный плейлист, который Соня включала, когда рисовала.

Я постояла на площадке, придерживая пакет с продуктами.

В нашей квартире все было знакомо.

Ключ, который иногда заедал. Коврик, у которого загнулся правый угол. Царапина возле выключателя — Соня оставила ее лет в девять, когда пыталась самостоятельно занести в квартиру складной стул.

Обычная жизнь.

Я открыла дверь.

— Я пришла.

— На кухне! — отозвалась дочь.

Она сидела за столом с ноутбуком, обложившись листами бумаги. Волосы были заколоты крабом, один локон выбился и прилип к щеке.

На экране я увидела макет афиши.

Крупными буквами было написано:

«ПОМОЖЕМ БЫТЬ НА СВЯЗИ».

Ниже — рисунок телефона и несколько цветных фигурок людей.

— Это для библиотеки? — спросила я.

— Угу. Мы в субботу будем объяснять пенсионерам, как пользоваться приложениями. Михаил попросил сделать афишу.

Она подняла глаза.

— Ты какая-то бледная.

— Устала.

Я поставила покупки на стол.

Соня потянулась к пакету.

— О, бумага! Спасибо.

Она достала упаковку и положила рядом с ноутбуком.

— Я думала, ты забудешь.

— Я действительно забыла. Пришлось возвращаться.

— Бывает.

Я сняла пальто, повесила его в прихожей, вымыла руки.

Все это время дочь молчала.

Обычно в такие минуты Соня рассказывала мне что-нибудь из школы: как преподаватель математики снова перепутал фамилии, кто не сдал работу по литературе, почему в столовой начали продавать непонятные пирожки.

Сегодня она смотрела в монитор и двигала мышкой.

Когда я села напротив, Соня закрыла ноутбук.

— Давай, — сказала она.

— Что «давай»?

— Разговор. Ты же ради него попросила прийти домой.

Я положила на стол папку с фотографиями.

— Сегодня ко мне на работу приходила Ирина Малинина.

— Я поняла.

— Ты знала ее?

— Нет. То есть знала, что у Бориса Сергеевича есть дочь. Но лично мы не встречались.

— Почему?

— Потому что она живет в другом городе. И Борис Сергеевич говорил, что они не очень ладят.

— Он рассказывал тебе о своих семейных отношениях?

— Иногда.

— Настолько близко вы общались?

Соня посмотрела на папку.

— Ты можешь задать вопрос нормально?

— Я его и задаю.

— Нет. Ты спрашиваешь так, будто я уже что-то украла.

Я медленно выдохнула.

— Хорошо. Расскажи мне, кто такой Борис Малинин.

Соня провела пальцем по краю ноутбука.

— Он был инженером. Сейчас на пенсии. Жил на Морской, в старом доме. У него плохо работал телефон. Я сначала пришла помочь настроить крупные значки и установить приложение для вызова такси. Потом еще несколько раз заходила.

Она поправила себя:

— То есть он был инженером. И жил.

Я заметила, как дочь сжала губы.

— Ты знала, что он умер?

— Да.

— Когда узнала?

— В четверг. Михаил написал в общий чат.

— А почему не сказала мне?

— Что бы я сказала? «Мам, умер человек, которого ты не знаешь»?

— Например, именно так.

— И ты бы спросила, кто он такой. Потом почему я к нему ходила. Потом сколько раз. Потом с кем. Я не хотела.

— Соня, это был человек, с которым ты общалась несколько месяцев. Ты могла просто рассказать, что тебе тяжело.

— Я рассказывала, что мне тяжело. В четверг.

Я вспомнила.

Дочь пришла из школы, легла поверх покрывала и почти час смотрела в потолок. Я заглянула, спросила, не заболела ли она.

«Нет. Просто плохой день».

Я предложила чай.

Она отказалась.

Потом я села дописывать рабочую таблицу.

— Ты сказала, что устала, — тихо произнесла я.

— А ты спросила, не надо ли мне пораньше лечь. Я сказала, что нет. На этом все.

Мы сидели напротив друг друга.

Впервые мне пришлось в голову, что дочь могла ждать другого вопроса.

Не «что случилось в школе» и не «почему ты опять без настроения».

Просто вопроса, на который можно было бы ответить.

— Мне жаль, что ты не сказала, — произнесла я.

Соня отвела глаза.

— Мне тоже.

Я открыла папку.

— Посмотри.

Выложила первую фотографию.

Соня сразу узнала ее.

— Это в парке. Мы ходили к пруду, он хотел уток посмотреть.

— Вы гуляли вдвоем?

— Да.

— А это?

Я показала кухню с тортом.

На лице дочери появилось выражение, которого я не ожидала.

Она улыбнулась.

Совсем немного, но искренне.

— Это его день рождения.

— Я знаю.

— Он не хотел отмечать. Говорил, что праздновать нечего. Я принесла пирожные, а у него в холодильнике оказался торт. Он сказал, что это соседка принесла, но я потом нашла коробку с чеком из магазина.

Соня провела пальцем по снимку.

— Он вообще плохо умел делать вид, что ему все равно.

Я посмотрела на фотографию.

Борис Малинин, человек, которого я еще утром не знала, за несколько часов успел превратиться для меня в источник опасности.

А моя дочь вспоминала его как знакомого, которому она хотела устроить хороший день рождения.

— Он был тебе другом? — спросила я.
— Наверное, да.
— Соня, ему было шестьдесят восемь.
— И что?
— Ничего. Просто необычная дружба.
— Он любил книги. Я тоже. Он был смешной, когда сердился на новые приложения. И постоянно рассказывал, как люди раньше рисовали чертежи вручную. Я показывала ему свои работы. Он мне — какие-то старые альбомы. Почему это не может быть дружбой?
— Может.
— Ты сейчас не веришь.
Я промолчала.
Соня откинулась на спинку стула.
— Что Ирина тебе сказала?
— Что ее отец оставил тебе квартиру.
Дочь не сразу ответила.
Она перевела взгляд на фотографию, потом на меня.
— Что?
— Завещал свою квартиру тебе.
— Это шутка?
— Нет.
— Подожди.
Она наклонилась вперед.
— Какую квартиру?
— В которой он жил.
— На Морской?
— Да.
— Всю?
— Судя по документу, да.
Соня несколько секунд смотрела на меня.
Потом закрыла лицо ладонями.
— Господи.
Я ждала.
Она убрала руки.
— Ирина поэтому приходила?
— Да.
— Она думает, что я его попросила?
— Она хочет, чтобы ты отказалась от наследства.
— Какого наследства? — Соня даже повысила голос. — Я ничего не знала!
— Хорошо.
— Не говори «хорошо» таким тоном.
— Каким?
— Как будто ты записала ответ и теперь будешь проверять, совпадет ли он с предыдущим.
Я положила перед ней копию завещания.
Она прочитала первые строки.
Вернулась глазами к своему имени.
— Восемнадцатое сентября, — сказала она.
— Да.
— Мы с ним тогда виделись. Я приносила ему новую книгу из библиотеки. Он вообще ничего не говорил.

— Не намекал?

— На квартиру? Нет.

— Он когда-нибудь говорил, что хочет что-то тебе оставить?

Соня задумалась.

— Один раз он сказал, что не знает, кому достанутся все его книги. Я ответила, что библиотеке. Он сказал, что в библиотеке у них уже и так места нет.

Она смотрела на бумагу.

— Мам, я правда не знала.

— Я слышу.

— Но ты не веришь.

Я не ответила сразу.

Потому что простое «верю» было бы ложью.

Я хотела ей верить.

И в то же время передо мной лежали фотографии и копия завещания. А Соня так и не объяснила, почему соврала о подаренном браслете.

— Я хочу понять, почему он это сделал, — произнесла я наконец.

— Я тоже.

— Хорошо. Тогда начнем с того, что ты мне не рассказала.

Соня напряглась.

— Например?

Я взяла фотографию с браслетом.

Положила ее между нами.

Дочь посмотрела и сразу отвела глаза.

— Ты сказала, что браслет подарила Лера.

Она молчала.

— Первого сентября. Помнишь?

— Помню.

— А на фотографии Борис Малинин дарит тебе его тридцатого августа.

Соня взяла снимок.

— Я знаю.

— Значит, Лера тебе его не дарила.

— Нет.

— Зачем ты соврала?

— Потому что ты бы заставила вернуть.

— Откуда ты знаешь?

Соня подняла голову.

— Мам, ты серьезно?

— Вполне.

— Ты в шестом классе заставила меня вернуть набор маркеров, который подарила мама Даши. Потому что он дорогой. В восьмом — отказаться от планшета, который тетя Света предлагала отдать, когда купила новый. Ты даже коробку конфет от учительницы не хотела брать после школьной выставки.

— С планшетом была другая ситуация.

— Конечно. Всегда другая.

— Соня, взрослый мужчина подарил тебе украшение. Я должна была знать об этом.

— Почему?

Я открыла рот.

— Потому что я твоя мать.

— Это не ответ.

Я почувствовала, как начинаю злиться.

— Хорошо. Потому что мне важно понимать, какие люди окружают мою несовершеннолетнюю дочь. Особенно когда эти люди дарят ей вещи и приглашают к себе домой.

— Борис Сергеевич не был каким-то подозрительным мужиком, который заманил меня в квартиру.

— Я этого не говорила.

— Говоришь.

— Нет. Я пытаюсь выяснить обстоятельства.

— Ты пытаешься доказать, что он был плохим, а я глупой.

Я придвинула фотографию к себе.

— Ирина утверждает, что ее отец оставил тебе квартиру. Это огромная сумма денег. Ты понимаешь, что со стороны выглядит так, будто ты несколько месяцев втиралась к нему в доверие?

Соня отшатнулась.

Физически. Словно я протянула руку через стол и толкнула ее.

— Ты тоже так думаешь?

— Я не знаю, что думать.

— Нет. Ты уже сказала.

— Я сказала, как это может выглядеть для посторонних.

— А ты не посторонняя?

Вопрос прозвучал тихо.

Я посмотрела на дочь.

Она не плакала.

У нее побелели губы, а пальцы сжались так, что ногти вдавились в ладони.

— Соня...

— Мне нужно было сразу догадаться, — сказала она. — Ты же не можешь просто спросить, почему я к нему ходила. Надо обязательно придумать, что я что-то хотела получить.

— Я спрашиваю именно об этом.

— Тогда спрашивай!

Я заставила себя опустить голос.

— Почему ты продолжала встречаться с Борисом Малининым, когда помощь с телефоном уже была не нужна?

Соня долго молчала.

— Потому что он просил приходить.

— Зачем?

— Поговорить.

— О чем?

— О разном.

— О чем именно?

Она посмотрела в окно.

— О книгах. О том, как он работал. О людях, которых знал. О том, что раньше было в городе.

— В каком городе?

— В Ключевске. Он раньше там работал.

Я запомнила название.

Ключевск.

Оттуда приехала Ирина. Там мы с Павлом жили до переезда.

Вопросов стало еще больше, но Соня уже явно не собиралась продолжать.

— Он много рассказывал о прошлом? — спросила я осторожно.

— Иногда.
— И ты ничего из этого не можешь пересказать?
Соня медленно повернулась ко мне.
— Могу. Но я не хочу сейчас.
— Почему?
— Потому что ты не слушаешь. Ты ищешь, на чем меня поймать.
Я посмотрела на браслет.
— Соня, я уже поймала тебя на лжи.
Она вздрогнула.
Я сразу пожалела о формулировке, но слова были сказаны.
— Да, — ответила дочь. — Соврала про браслет. Ты права. Хочешь, я сейчас его сниму и отдам Ирине? Это исправит ситуацию?
— Не передергивай.
— Я не передергиваю. Ты говоришь, что меня поймала. Что дальше? Штраф? Запрет выходить из дома? Ты ведь ради этого все и спрашиваешь.
Я сжала переносицу пальцами.
— Мне нужно подумать.
— Мне тоже.
Соня встала.
— Я пойду к себе.
— Мы не закончили.
— Я знаю.
Она взяла ноутбук.
Потом вернулась за бумагой для принтера.
На мгновение остановилась у двери кухни.
— Мам, он правда умер из-за падения?
Вопрос застал меня врасплох.
— Ирина сказала, что он упал на лестнице.
Соня кивнула.
— Михаил тоже так говорил.
— Ты спрашивала его?
— Да.
— Когда?
— В четверг. После сообщения в чате.
Она поправила упаковку бумаги под мышкой.
— Борис Сергеевич очень осторожно ходил по лестницам. Всегда держался за перила. Боялся снова упасть, потому что зимой один раз поскользнулся.
— Это не значит, что он не мог упасть.
— Я знаю.
Она произнесла это без спора.
Потом вышла.
Я осталась за столом.
На кухне тикали часы.
Раньше мне казалось, что они идут слишком громко. Соня несколько раз предлагала заменить их электронными, но я отказывалась. Эти часы мы купили еще с Павлом, когда въехали в нашу первую квартиру.
Теперь я слушала их и не понимала, что делать.
Передо мной лежали фотографии человека, который умер пять дней назад. Его дочь требовала справедливости. Моя дочь утверждала, что не знала о завещании.

Каждая из них говорила убедительно.

Но их рассказы не складывались в одну картину.

Я встала и принялась разбирать покупки.

Убрала молоко в холодильник, хлеб — в шкаф, яйца — на верхнюю полку.

На столе остались несколько листов с набросками к афише. Соня забыла их, забирая ноутбук и новую пачку бумаги.

Я собрала их и постучала в дверь дочериной комнаты.

— Можно?

— Да.

Соня сидела на полу, прислонившись спиной к кровати. Ноутбук был закрыт. Рядом лежал телефон.

Я протянула листы.

— Ты оставила.

— Спасибо.

Она взяла бумагу, но на стол не положила.

— Я не хотела на тебя кричать, — сказала она.

— Я тоже.

Мы помолчали.

— Ты правда думаешь, что я могла специально заставить его написать завещание?

Я села на край кровати.

В комнате пахло красками и тем сладковатым средством для волос, которое Соня покупала в аптеке. На стене висели ее рисунки: старые, сделанные еще в девятом классе, и новые — для портфолио.

На одном был город с высокими домами и узкой рекой. Соня рисовала его почти месяц, перерисовывая свет в окнах.

Когда работа была готова, я сказала, что получилось красиво.

Она ответила:

«Мам, там все еще неправильно с перспективой».

Я не умела видеть перспективу так, как видела ее дочь.

Зато теперь пыталась увидеть неправду.

— Я не знаю, — призналась я. — Мне страшно, что ты оказалась в ситуации, последствия которой могут быть очень серьезными. И что я узнала об этом от чужого человека.

— Мне тоже страшно.

— Из-за квартиры?

Соня кивнула.

Потом добавила:

— И из-за того, что его больше нет.

Я посмотрела на нее.

— Ты была к нему привязана?

— Да.

— Сильно?

Соня пожала плечами.

— Не знаю, как это измерять.

Я опустила глаза.

Она была права.

Привязанность не измерялась количеством визитов и стоимостью подарков.

И все же мне нужно было узнать о них больше.

— Покажешь, чем вы занимались в проекте? — спросила я.

Соня посмотрела на меня с осторожностью.

— Зачем?

— Потому что я знаю о нем только то, что ты рассказывала. Хочу понять, как он устроен.

— Ты хочешь проверить, было ли волонтерство настоящим?

Я не стала спорить.

— Да. В том числе.

Она помолчала.

Потом открыла ноутбук.

— Ладно.

На экране появилась папка с файлами. Соня выбрала таблицу.

— Это не все данные, — предупредила она. — Здесь только список наших поручений без адресов и телефонов. Полный список у координатора.

Я кивнула.

Соня показала несколько строк.

Доставка книг. Помощь с покупками. Настройка телефона. Сопровождение в поликлинику.

Даты, фамилии волонтеров, короткие комментарии.

— Вот, — сказала она. — Смотри. Это я и Катя. Двенадцатое июня. Помогали Галине Петровне настроить сообщения. Она хотела отправлять голосовые внуку.

Соня открыла фотографию.

На ней пожилая женщина в больших очках держала телефон двумя руками. Рядом стояли Соня и девочка с короткой стрижкой.

— А это?

— Николай Васильевич. Мы ему отвозили книги. Он ходить может, но далеко не всегда получается. У него колено больное. Мы просто меняли прочитанные книги на новые.

— Ты рассказывала о нем.

— Да.

Она открыла еще одну папку.

Там были фотографии коробок с продуктами, списки покупок, чеки из магазина, скриншоты благодарностей.

Ничего особенно впечатляющего.

Именно поэтому все выглядело настоящим.

Люди действительно просили купить молоко, батарейки, хлеб и лекарственные контейнеры. Кто-то хотел научиться пользоваться видеозвонками. Кто-то просил принести крупно напечатанное расписание автобусов.

Соня рассказывала о них спокойно, без попыток произвести впечатление.

Я вдруг вспомнила, как в июле она потратила два вечера на изготовление табличек для чужой кухни.

Крупные подписи на баночках: соль, сахар, чай.

Тогда я спросила, не проще ли купить готовые наклейки.

Она ответила, что у пожилой женщины плохое зрение и ей нужен другой размер букв.

Я похвалила дочь, но не спросила имя женщины.

Она существовала для меня просто как очередной человек из волонтерского проекта.

Соня показала таблицу дальше.

— Вот Борис Сергеевич.

Я наклонилась к экрану.

Первое посещение было отмечено в июне.

Настройка телефона.

Потом — доставка книг.

Потом — помощь с планшетом.

А дальше записи стали реже.

— Почему? — спросила я.

— Он научился сам. Я иногда приходила в свободное время.

— Эти посещения отмечались в проекте?

— Не все.

— Почему?

Соня закрыла таблицу.

— Потому что если я пришла попить чай к знакомому человеку, это уже не поручение.

Я кивнула.

Логично.

И все равно что-то меня тревожило.

— Михаил знал, что ты к нему ходишь?

— Да.

— Он разрешал?

— Мам, это не детский сад. Он координатор, а не воспитатель.

— Я спрашиваю не для того, чтобы тебя унижить. Просто хочу понять, кто знал о ваших встречах.

Соня посмотрела на меня.

— Михаил знал. Иногда он сам передавал Борису Сергеевичу книги или помогал с тяжелыми вещами. Он вообще со многими подопечными общается отдельно.

— У него есть фамилия?

— Руднев. Михаил Руднев.

Я запомнила.

Наконец-то у человека, которого я знала только по имени в телефоне, появилась фамилия.

— Можно мне с ним поговорить?

— О чем?

— О проекте. О Борисе Малинине. О том, как ваша работа устроена.

— Ты собираешься на меня жаловаться?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Соня, ко мне сегодня пришла женщина и заявила, что ты получила квартиру ее умершего отца. Я должна выяснить, что произошло.

— Хорошо, — сказала дочь. — Позвони ему.

Она открыла контакты и показала номер.

Он совпадал с сохраненным у меня.

— Только не проси его исключить меня из проекта.

— Я пока ничего не собираюсь просить.

— Обещаешь?

Я посмотрела на нее.

Соня ждала ответа.

Мне захотелось сказать «конечно», как я обычно делала, чтобы поскорее закончить неприятный разговор.

После разговора с Ириной я особенно ясно понимала, как опасно давать обещания, которых можешь не выполнить.

— Я обещаю, что сначала поговорю с ним и с тобой, — сказала я. — А потом будем решать.

Соня опустила глаза.

— Ладно.

Я встала.

У двери она окликнула меня:

— Мам.

Я обернулась.

— Борис Сергеевич не был одиноким только потому, что у него не было людей рядом. Он сам иногда не хотел ни с кем говорить.

— Я понимаю.

— Нет, подожди. Я просто хочу сказать... Он мог быть неприятным. Мог накричать, если ему не нравилось, что я говорю. Однажды вообще выгнал меня, потому что я переставила книги на полке.

Я невольно улыбнулась.

— А потом?

— На следующий день позвонил и попросил прийти. Сказал, что теперь не может найти справочник, хотя он стоял на том же месте.

Она тоже слабо улыбнулась.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто я его обманывала. Или что он был каким-то несчастным стариком, которому можно было что угодно внушить.

— Хорошо.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Она смотрела на меня еще несколько секунд.

Потом кивнула.

Я вышла.

В коридоре остановилась возле зеркала.

Мне было сорок лет.

На лице появились морщины у глаз, которых я раньше почти не замечала. У корней уже пробивалась седина. Я собиралась записаться к парикмахеру, но все откладывала.

Почему-то именно сейчас мне вспомнилось, как несколько лет назад Соня спросила, кем я хотела стать, когда была маленькой.

Я ответила — бухгалтером.

Она не поверила.

На самом деле я хотела стать переводчицей. Любила иностранные языки, мечтала ездить по разным городам.

Потом появилась работа, брак, ребенок, ипотека.

Я не сожалела о своей жизни.

Просто иногда мне казалось, что она состояла из решений, которые принимались один раз, а последствия требовали внимания десятилетиями.

Когда родилась Соня, мне впервые стало по-настоящему страшно ошибиться.

Не в бухгалтерии.

Там ошибку можно было найти, исправить и объяснить.

С ребенком так не получалось.

Я слишком долго боялась принять неправильное решение и постепенно привыкла принимать все решения сама.

Раньше дочь соглашалась.

Теперь спрашивала, почему.

Ужинали мы почти молча.

Я разогрела суп. Соня нарезала хлеб, поставила на стол сметану и спросила, можно ли завтра уйти из школы раньше последнего урока.

— Зачем? — спросила я.

— У нас подготовка к выставке. Нужно забрать работы из типографии.

— А последний урок?

— Обществознание. Учительница разрешила, если принесем заявление.

Я посмотрела на нее.

— Кто еще идет?

— Я, Катя и Денис.

— Из класса?

— Да.

— А типография где?

Соня опустила ложку.

— Мам.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

До сегодняшнего дня я никогда не спрашивала адрес типографии.

Раньше достаточно было знать, что Соня идет с одноклассниками.

— Прости, — сказала я. — Просто сегодня...

— Я знаю.

Она немного помолчала.

— Могу прислать тебе адрес. И написать, когда буду возвращаться.

— Спасибо.

— Но ты не будешь звонить Кате, чтобы проверить, правда ли я с ней?

Я медленно подняла глаза.

Вопрос был неприятным, потому что именно это я уже успела представить.

— Не буду, — ответила я.

Соня кивнула.

После ужина она вымыла свою тарелку и ушла доделывать афишу.

Я осталась на кухне.

Села за стол, открыла блокнот и переписала записи, сделанные на работе.

Борис Малинин.

Ирина Малинина.

Михаил Руднев.

Завещание от восемнадцатого сентября.

Смерть седьмого октября.

Фотографии.

Браслет.

Я добавила еще одну строку:

«Соня утверждает, что о завещании не знала».

Посмотрела на нее.

Слово «утверждает» мне не понравилось.

Оно напоминало формулировку протокола.

Я зачеркнула строку и написала:

«Соня сказала, что не знала».

Вроде бы ничего не изменилось.

Но для меня разница была важной.

Я должна была научиться отделять то, что точно произошло, от того, что сама предполагала.

Потом открыла телефон и нашла номер Михаила Руднева.

Было уже девять вечера.
Поздно для рабочего разговора.
Я решила позвонить утром.
В поиске по сообщениям обнаружилась старая переписка.
Двадцать третьего июня я писала:
«Добрый день. Это Нина, мама Софьи. Она задерживается, телефон недоступен. Все в порядке?»
Ответ пришел через шесть минут:
«Добрый вечер, Нина Андреевна. Девочки уже вышли из библиотеки, у Софьи разрядился телефон. Я попросил Катю сообщить время прибытия. Не беспокойтесь».
Я тогда поблагодарила.
Михаил ответил коротко:
«Всегда на связи».
Я перечитала сообщение.
Человек действительно занимался волонтерами. Я проверяла это еще летом.
Он знал мою дочь, ее расписание, мой телефон и даже место работы.
Все это могло быть совершенно нормально.
И все же меня не устраивало, что о Борисе Малинине я узнала от Ирины, а о координаторе могла судить только по нескольким сообщениям.
Утром нужно было поговорить с ним.
Потом с юристом.
И обязательно разобраться, какие документы существуют на самом деле.
Я не знала, можно ли завещать квартиру несовершеннолетней девушке без согласия родителей. Не понимала, как отказаться от наследства, если Соня действительно ничего о нем не знала. И не представляла, имеет ли Ирина право требовать от нас такого отказа.
Один телефонный звонок нотариусу наверняка прояснил бы хотя бы часть вопросов.
Завтра.
Сегодня я была не способна больше ни с кем разговаривать.
Я собрала фотографии в стопку и уже собиралась убрать их в папку, когда один снимок соскользнул со стола.
Он упал лицевой стороной вниз.
Я нагнулась, подняла его и перевернула.
На фотографии была все та же кухня Бориса Малинина.
На фотографии были трое: Борис, Соня и незнакомый мужчина.
На вид ему было чуть больше шестидесяти. Высокий, широкоплечий, с аккуратно уложенными седыми волосами. Он носил светлую рубашку с расстегнутым воротником и дорогие часы.
Мужчина стоял позади Сони, слегка наклонившись к столу. Борис что-то ему показывал, а Соня смотрела на экран планшета.
Судя по выражению лица, мужчина был недоволен.
Я пригляделась.
На предыдущих снимках он почти не попадался. Только на одном у края кадра виднелось его плечо.
Ирина выбирала снимки, на которых отец был вместе с Соней. Поэтому и этот кадр оказался среди них, хотя в объектив попал еще один человек.
Но меня интересовал третий человек.
Я вспомнила слова дочери о том, что к Малинину она ходила не только по волонтерским поручениям.
«Он рассказывал о людях, которых знал».

Возможно, незнакомец был одним из таких людей.

Я приблизила фотографию к свету.

Мужчина смотрел на планшет, но держался так, будто ему не нравилось находиться рядом с камерой.

Не испуганно.

Скорее раздраженно.

Впрочем, выражение лица могло означать что угодно.

Я даже не знала, что они обсуждали.

Просто еще один взрослый человек, о котором Соня ничего не говорила.

Я достала телефон и сфотографировала снимок.

Потом постучала в дверь дочериной комнаты.

— Соня, можно тебя на минуту?

— Сейчас.

Через несколько секунд дверь открылась.

Дочь была в домашней футболке и спортивных брюках. Волосы она уже распустила.

— Что случилось?

Я показала фотографию.

— Кто это?

Она посмотрела.

На ее лице мелькнуло что-то похожее на раздражение.

Не удивление.

Она узнала мужчину сразу.

— Зачем тебе?

— Хочу понять, кто был на фотографии.

— Это знакомый Бориса Сергеевича.

— Как его зовут?

Соня потерла лоб.

— Мам, мы же договорились, что ты не будешь устраивать допрос.

— Я спрашиваю имя человека, с которым ты сидишь за одним столом. Это не допрос.

Она еще раз взглянула на снимок.

— Виктор Кравцов.

Я мысленно повторила фамилию.

— Он тоже пенсионер из волонтерского проекта?

— Нет.

— Тогда как вы познакомились?

— Борис Сергеевич нас представил.

— Когда?

— Летом.

— И ты видела его только в тот раз?

Соня не ответила.

Этого молчания хватило, чтобы у меня снова возникло неприятное чувство.

— Соня?

— Нет.

— Вы встречались еще?

— Да.

— С Борисом?

Она покачала головой.

— Без него.

Я медленно опустила фотографию.

— Михаил давал тебе поручения, связанные с Кравцовым?

— Нет.

— Тогда зачем ты к нему ходила?

Соня посмотрела мне прямо в глаза.

В отличие от нашего предыдущего разговора, она больше не казалась растерянной.

Скорее решала, сколько именно готова рассказать.

— Я ездила к нему сама, — сказала она.

— Одна?

— Да.

— Куда?

— К нему домой.

Я почувствовала, как сжимаются пальцы на краю фотографии.

— Соня, ты понимаешь, что после сегодняшнего я не могу просто сделать вид, будто это нормально? Ты тайком встречалась с одним пожилым мужчиной, который оставил тебе квартиру. А теперь выясняется, что есть еще один.

— Я не встречалась с ними тайком ради подарков.

— Тогда ради чего?

Она опустила глаза на снимок.

Несколько секунд мы стояли в дверях ее комнаты.

Потом Соня произнесла:

— Виктор Кравцов не был нашим подопечным, мам. Я ходила к нему совсем не из-за волонтерства.

ГЛАВА 2. Живой завещатель

Когда Соня сказала, что ездила к Виктору Кравцову не из-за волонтерства, я спросила, зачем тогда.

Она ответила не сразу.

Стояла передо мной в дверях своей комнаты, босая, в растянутой домашней футболке, и смотрела на фотографию, которую я держала в руке.

— Он знал папу.

Я не сразу поняла, что она произнесла.

— Какого папу?

Соня подняла глаза.

— Мам.

Одно короткое слово. Без раздражения, без упрека. Просто напоминание, что отец у нее был только один.

Павел Власов.

Мой муж, погибший двенадцать лет назад.

— Откуда ты знаешь, что они были знакомы? — спросила я.

— Кравцов сам сказал.

— Когда?

— Летом.

— И ты все лето общалась с человеком, который знал твоего отца, но ни разу мне об этом не рассказала?

Соня опустила голову.

Я ждала ответа, хотя уже понимала, что он мне не понравится.

— Я пыталась поговорить с тобой раньше, — произнесла дочь.

— Когда?

— В мае.

В мае.

Я вспомнила кухню, открытый ноутбук, Сонину недопитую чашку чая и ее вопрос о старой газетной публикации. Тогда я сказала, что журналисты писали всякую грязь, что не хочу снова возвращаться к этому и что ей незачем читать материалы двенадцатилетней давности.

Разговор занял меньше пяти минут.

Я считала его законченным.

— Это не значит, что ты должна была ездить к посторонним мужчинам, — сказала я.

— Я не говорю, что должна была. Я объясняю, почему тебе не рассказывала.

— И что тебе рассказал Кравцов?

— Кое-что о работе папы.

— Что именно?

— Мам, я не хочу сейчас пересказывать его слова. Ты все равно скажешь, что я неправильно поняла. Лучше поговори с ним сама.

— Откуда ты знаешь, что он согласится?

— Я просила его.

Меня неприятно кольнуло.

— О чем?

— О встрече с тобой.

— Когда?

— Недавно.

— И он что ответил?

— Сказал, что подумает.

Я посмотрела на фотографию мужчины в светлой рубашке.

Накануне я не знала ни Бориса Малинина, ни Виктора Кравцова. Теперь оба каким-то образом оказались связаны с моей дочерью и прошлым, которое я много лет старалась не трогать.

— Завтра я ему позвоню, — сказала я.

Соня едва заметно кивнула.

— Хорошо.

Я хотела спросить еще многое. Почему именно эти люди? Как она их нашла? При чем тут завещание? Но дочь выглядела измученной, а я уже успела превратить вечер в несколько часов допросов.

— Ложись спать, — сказала я.

— Ты тоже.

Я закрыла дверь ее комнаты и пошла на кухню.

В половине двенадцатого ночи я все еще сидела за столом.

Передо мной лежали фотографии Бориса Малинина, копия завещания и открытый блокнот.

Я снова написала три фамилии.

Малинин.

Кравцов.

Руднев.

Потом ниже — Власов.

На последней фамилии я остановилась.

В 2015 году, когда мы переехали в Реченск, я вернула девичью фамилию. Соне тогда было шесть. Я объяснила ей, что так будет удобнее: мама и дочь должны носить одну фамилию.

Она согласилась.

Ребенку в шесть лет несложно согласиться с тем, что объясняет мать, если мать говорит уверенно.

Настоящую причину я ей не назвала.

После гибели Павла его фамилию слишком часто печатали рядом со словами «нарушения», «ответственность» и «обрушение». Следователи задавали вопросы, соседи смотрели на меня в магазине, журналисты звонили по вечерам.

Я знала, что обвинения не равнялись приговору. Но это мало помогало, когда незнакомые люди произносили имя мужа так, будто все уже было доказано.

Я уехала, чтобы Соня могла расти без этих разговоров.

С тех пор мне казалось, что это получилось.

Теперь выяснилось, что дочь сама нашла людей из той жизни.

И, в отличие от меня, не собиралась от них прятаться.

Утром тринадцатого октября я проснулась в пять сорок семь.

До будильника оставалось почти полтора часа.

На улице было темно. Из соседней квартиры доносился звук воды в трубах. Я лежала под одеялом и пыталась решить, с чего начать.

Первой мыслью было позвонить Ирине Малининой.

Второй — запретить Соне выходить из дома.

Третьей — найти человека, который разбирается в наследстве лучше меня.

Третья мысль оказалась самой полезной.

Я встала, поставила чайник и открыла ноутбук.

Сначала нашла в интернете общую информацию о наследовании по завещанию. Читала медленно, возвращаясь к одним и тем же абзацам.

В завещании можно указать человека, который не является родственником. Несовершеннолетний тоже может наследовать имущество. Само наличие завещания еще не делает наследника собственником квартиры на следующий день после смерти завещателя.

Для оформления существовал определенный порядок.

Я выписала на лист несколько вопросов.

Может ли Соня отказаться от наследства?

Кто должен подписывать документы?

Что делать, если она не знала о завещании?

Может ли дочь умершего оспорить его?

Сколько времени есть на принятие решения?

Последний вопрос я подчеркнула.

Мне хотелось разобраться за сутки, но закон вряд ли собирался подстраиваться под мое желание поскорее покончить с неприятной историей.

В шесть двадцать на кухню вошла Соня.

Она была в пижамных брюках и толстовке, с растрепанными волосами и красными глазами.

— Ты вообще спала? — спросила она.

— Немного.

— Я тоже.

Она достала из шкафа кружку.

— Чай будешь?

— Я уже поставила.

Соня посмотрела на открытый ноутбук.

— Про наследство читаешь?

— Да.

Она налила себе воды.

— Я могу не брать квартиру, если Ирина так переживает.

— Не все так просто.

— Почему?

— Потому что ты несовершеннолетняя. Отказ от наследства требует отдельного оформления и разрешения соответствующих органов. Я пока не понимаю всех подробностей.

— То есть я даже отказаться сама не могу?

— Не без установленной процедуры.

Соня нахмурилась.

— Странно.

— Возможно. Но сначала нужно узнать, какие документы действительно есть.

Она подошла к столу и посмотрела на список вопросов.

— Ты думаешь, Ирина подаст в суд?

— Не знаю.

— Она меня ненавидит?

— Она потеряла отца. И считает, что оказалась обделена.

— Я ведь ничего не просила.

— Это я уже слышала.

Соня помолчала.

— Ты все равно не веришь.

Я закрыла ноутбук.

— Соня, вчера мне показали документы, о которых я не знала, и фотографии людей, о которых ты не рассказывала. Мне нужно время.

— Сколько?

— Не знаю.

Она взяла кружку.

— Ладно.

Я вспомнила совет Светы и заставила себя не продолжать.

Вместо этого спросила:

— У тебя сегодня сколько уроков?

— Семь.

— После школы домой?

Соня посмотрела на меня.

— Да.

— Я не это имела в виду.

— А что?

— Хочу знать, какие у тебя планы.

— После школы заберу с Катей и Денисом работы из типографии. Потом домой, делать задания. В пять у нас с Катей созвон по макету афиши.

— Хорошо.

Она вздохнула.

— Мам, я могу хотя бы в школу спокойно ходить?

Я почувствовала, как опять подбираюсь к знакомой границе.

Еще немного — и я начну требовать отчетов о каждом ее шаге.

— Можешь, — сказала я. — Иди завтракать.

Она кивнула.

Мы ели овсянку с яблоком, которую я приготовила накануне. Соня листала сообщения класса, а я смотрела на ее руки.

На правом запястье был браслет Бориса Малинина.

Вчера я едва не попросила ее снять украшение.

Теперь не стала.

Когда дочь ушла, я открыла телефон и написала начальнице.

«Доброе утро. Можно взять сегодня и завтра два накопившихся отгула? Ведомости по авансам отправлены, срочных задач до четверга нет. По необходимости буду на связи».

Ответ пришел через десять минут.

«Нина, берите. Только Свете передайте документы по третьему участку».

Я позвонила коллеге.

Света ответила сонным голосом:

— Что-то случилось?

— Семейные дела. Я сегодня не приду.

— Соня?

— С ней все нормально.

— Уверена?

Я посмотрела на лист с вопросами о наследстве.

— Пока разбираюсь.

Света не стала спрашивать.

— Пришли, что нужно сделать. И не вздумай из дома табели проверять.

— Спасибо.

— Нин, если нужна помощь, скажи.

Я поблагодарила еще раз и отправила ей необходимые файлы.

Потом позвонила в нотариальную контору, указанную в копии завещания.

Трубку сняла женщина с усталым, но вежливым голосом.

— Нотариальная контора, здравствуйте.

Я представилась, объяснила, что моя несовершеннолетняя дочь указана в завещании умершего человека, и спросила, могу ли получить разъяснения.

Женщина попросила назвать фамилию наследодателя.

Я назвала.

Послышался стук клавиш.

— По конкретным материалам наследственного дела мы сможем разговаривать после подтверждения ваших полномочий и предъявления необходимых документов, — сказала она.

— Сейчас могу объяснить общий порядок.

— Пожалуйста.

Я взяла ручку.

— Завещание само по себе не означает, что квартира немедленно перешла вашей дочери. После смерти наследодателя открывается наследство, наследники обращаются в установленном порядке. В обычной ситуации срок принятия составляет шесть месяцев.

— А если человек не знал, что на него составили завещание?

— Это не отменяет необходимости соблюдать процедуру. Вам лучше прийти с дочерью и документами. Мы объясним, что требуется в вашей ситуации.

— Ей семнадцать.

— Для наследников от четырнадцати до восемнадцати лет предусмотрено участие законных представителей. Для отказа от наследства несовершеннолетнего требуется предварительное разрешение органа опеки. Такие решения не оформляются просто по желанию постороннего родственника наследодателя.

Я записала.

— А если дочь умершего не согласна с завещанием?

— Она вправе обращаться за защитой своих прав. Но само несогласие не отменяет волю завещателя.

— Она говорит, что квартира должна была достаться ей.

— Я понимаю, но обсуждать возможный спор по телефону не могу.

Женщина предложила свободное время для консультации через два дня, в четверг.

Я записалась.

Потом уточнила, какие документы взять, и поблагодарила ее.

После разговора мне стало немного легче.

Не потому, что проблема решилась.

Просто впервые с прошлого утра появились конкретные действия, которые можно было выполнить.

До назначенной встречи оставалось время. Я открыла приложение банка и перевела с накопительного счета небольшую сумму на текущий.

На накопительном оставалось сорок две тысячи рублей.

Я берегла их на случай болезни, поломки холодильника или другой беды, которая не интересовалась датами зарплаты.

Теперь часть денег наверняка уйдет на консультации и документы.

Вчера Ирина говорила о квартире так, будто Соня уже владела ею.

На самом деле у нас пока не было ничего, кроме вопросов и чужой обиды.

Я убрала телефон.

Потом достала фотографию с Виктором Кравцовым.

Вчера Соня назвала его фамилию без колебаний. Сказала, что он знал Павла.

Может быть, этот человек действительно мог объяснить дочери что-то, чего не знала я.

А может быть, моя дочь ошиблась, доверившись ему.
В любом случае я собиралась выяснить это сама.

В одиннадцать семнадцать мне позвонили с незнакомого номера.
Я как раз перекладывала документы по папкам, чтобы освободить обеденный стол.
— Алло.
— Нина Андреевна Рябинина? — спросил мужской голос.
Голос был немолодой, с легкой хрипотцой. Мужчина говорил без грубости, но явно при-
вык, что его выслушивают.
— Да.
— Виктор Сергеевич Кравцов.
Я перестала двигаться.
Папка осталась у меня в руках.
— Слушаю вас.
— Надеюсь, не отвлекаю?
— Нет.
— Ваша дочь сказала, что вы согласны. Я хотел бы услышать это от вас.
Я села.
— На что именно я согласна?
На другом конце линии возникла пауза.
— Выслушать меня. Обсудить то, что касается вашего покойного мужа.
— Соня вам сказала, что я согласна?
— Именно так.
Я закрыла глаза.
— Виктор Сергеевич, моя дочь не имела права обещать это от моего имени. Я узнала о
вашем существовании вчера вечером.
— Странно.
— Что именно?
— Девочка уверяла, что вы готовы поговорить.
— Она ошиблась.
— Вы отказываетесь?
Я посмотрела на снимок, лежавший передо мной.
— Я еще не знаю, о чем вы собираетесь говорить.
— О Павле Власове.
Имя мужа прозвучало так неожиданно, что я крепче сжала телефон.
— Что вы о нем знаете?
— Больше, чем вам рассказывали.
Я почувствовала раздражение.
— Тогда говорите.
— Не по телефону.
— Почему?
— Потому что не хочу, чтобы мои слова потом пересказывали без контекста.
— Вы думаете, я собираюсь их записывать?
— Я думаю, в последние годы люди слишком легко вырывают из разговора удобную
фразу.
Я помолчала.
— Если речь о гибели Павла, у меня нет желания слушать очередные обвинения.

— Я не собираюсь вас обвинять.

— Я говорю не обо мне.

— Понимаю.

Он произнес это сдержанно.

— Нина Андреевна, давайте без предварительного спора. Мы можем встретиться сегодня. Я хотел бы закончить этот разговор до того, как в него вмешаются другие люди.

— Какие другие люди?

— Те, кому тоже есть что сказать.

Я почувствовала, как внутри поднимается тревога.

— При чем здесь Борис Малинин?

На этот раз пауза оказалась длиннее.

— Вы уже знаете о Борисе?

— Вчера ко мне приходила его дочь.

— Ирина?

— Да.

Кравцов тихо выдохнул.

— Значит, все-таки пришла.

— Вы ожидали этого?

— После смерти отца люди ведут себя непредсказуемо.

Я не стала отвечать.

— Борис был вашим знакомым? — спросила я.

— Мы много лет работали вместе.

— Вы знали, что он составил завещание на мою дочь?

— Да.

Я выпрямилась.

— Откуда?

— Мы обсуждали некоторые решения.

— Какие решения?

— Нина Андреевна, я предлагаю вам встретиться. Если хотите выяснить все по телефону, боюсь, у нас ничего не получится.

Я не любила, когда со мной разговаривали таким образом.

Особенно после вчерашнего, когда выяснилось, сколько посторонних людей знает о жизни Сони больше меня.

— Тогда сначала ответьте на простой вопрос, — сказала я. — Вы лично общались с моей дочерью?

— Конечно.

— Как часто?

— Несколько раз за последние месяцы.

— О чем?

— О том, что случилось двенадцать лет назад.

— И что она хотела от вас?

Кравцов не ответил сразу.

— Правды, — произнес он наконец.

Я прижала телефон к уху.

— А вы ей ее рассказали?

— Я рассказал то, что счел возможным.

— Значит, не все.

— Значит, у каждого разговора есть свои обстоятельства.

Я усмехнулась.

— Удобная формулировка.

— Я не прошу вас доверять мне на слово.

— А чего просите?

— Приехать.

Я посмотрела на часы.

Соня вернется из школы ближе к четырем.

Времени хватало.

— Где вы живете?

Кравцов назвал поселок за городом. Дорога занимала около двадцати минут на машине.

— В час дня сможете? — спросил он.

Я подумала о встрече с нотариусом, назначенной на четверг, об Ирине Малининой и о том, как дочь вчера стояла передо мной, не решаясь рассказать что-то об отце.

— Смогу.

— Хорошо. Я пришлю адрес.

— И еще, Виктор Сергеевич.

— Да?

— Вы сказали, что Соня обещала мое согласие. На что еще, кроме разговора, она могла его обещать?

Он ответил слишком быстро:

— Об этом лучше при встрече.

— Это связано с квартирой Бориса?

— Частично.

— А с вашей собственностью?

Тишина.

Потом Кравцов сказал:

— Приезжайте, Нина Андреевна. Вы получите ответы.

Связь оборвалась.

Я опустила телефон.

На экране высветилось сообщение с адресом.

Ни приветствия, ни пояснения.

Только поселок, улица и номер дома.

Я открыла карту и посмотрела маршрут.

Двадцать три минуты на машине.

Общественный транспорт туда почти не ходил.

До половины первого я разбирала документы, потом заказала такси. Пока ждала, несколько раз открывала Сонин контакт, но так и не нажала кнопку вызова.

Она была на уроках. И мне не хотелось снова начинать разговор, в котором я сначала требую объяснений, а потом отказываюсь их слушать.

Вместо этого написала:

«Мне позвонил Виктор Кравцов. Сегодня встречу с ним. После школы расскажу».

Сообщение осталось непрочитанным.

Я убрала телефон и пошла одеваться.

Такси приехало через девять минут.

За рулем сидел мужчина лет пятидесяти. Он слушал радио и дважды уточнил адрес, прежде чем выехать со двора.

— Это за старой лесополосой, — сказал водитель. — Там дома хорошие, но дорога после поворота разбитая.

Я кивнула.

— Вы там бывали?

— Возил пару раз. Кто-то живет постоянно, кто-то приезжает на выходные.

Он включил поворотник.

Мы выехали на проспект.

За окном тянулись знакомые улицы Реченска. Магазин, где я покупала Соне школьную форму. Поликлиника, куда мы ходили, когда она была маленькой. Кофейня с дорогими десертами, в которую дочь иногда просила зайти после школьных выставок.

Обычный город.

Я вдруг подумала, что сегодня впервые за много лет еду встречаться с человеком, который знал Павла.

После переезда я старалась не поддерживать связи с Ключевском.

Номер одной его бывшей коллеги еще хранился у меня в старом телефоне. Несколько лет назад она прислала сообщение к годовщине смерти Павла. Я ответила коротко, поблагодарила и удалила переписку.

Я не хотела снова читать, что о нем говорят.

Не хотела объяснять Соне, почему ее отец погиб не просто на работе.

Может быть, мне следовало поступить иначе.

Но тогда дочери было шесть лет, у меня не было денег на собственную квартиру, а каждый разговор о муже заканчивался тем, что я несколько часов не могла успокоиться.

Я переехала, устроилась бухгалтером и начала собирать нашу жизнь заново.

Она действительно стала спокойнее.

До вчерашнего утра.

— Вам к какому дому? — спросил водитель.

Я очнулась.

За окнами уже стояли аккуратные коттеджи, отделенные друг от друга высокими заборами. Дорога сузилась. Вдоль нее росли старые березы.

— Тридцать шестой.

— Вон тот, кажется.

Он остановился возле темно-серых ворот.

За ними виднелся двухэтажный дом с широкой террасой. Фасад был отделан светлым камнем, окна — большие, почти от пола.

На площадке перед воротами стоял черный внедорожник.

Я расплатилась.

Сумма поездки неприятно выделилась в уведомлении банка.

Пятьсот восемьдесят рублей.

Еще столько же на обратную дорогу.

Вчера я бы посчитала поездку ненужной тратой.

Сегодня деньги казались платой за возможность наконец получить хоть какие-то ответы.

Я нажала кнопку домофона.

— Да? — раздался голос Кравцова.

— Нина Рябинина.

— Открываю.

Ворота медленно разъехались.

Я вошла во двор.

Вдоль дорожки росли низкие кусты, аккуратно подстриженные, хотя листья уже почти опали. Возле крыльца стояли два больших вазона с пожелтевшими хризантемами.

Дом выглядел ухоженным, но каким-то нежилым.

Слишком чистым.

Слишком тихим.

Дверь открыл сам Кравцов.

Он оказался выше, чем я ожидала по фотографии. Широкие плечи, прямая спина, седые волосы, зачесанные назад.

На нем была темно-синяя рубашка и серые брюки.

— Нина Андреевна?

— Да.

Он протянул руку.

Рукопожатие было крепким.

— Проходите.

В прихожей пахло деревом и дорогим чистящим средством. На стене висело большое зеркало, под ним стояла узкая скамья для обуви.

Я сняла пальто.

— Чай? Кофе?

— Спасибо, не нужно.

— Тогда пройдем в кабинет.

Он провел меня по коридору.

В доме было тепло, хотя снаружи стояла промозглая октябрьская погода.

На стенах висели фотографии гор, несколько старых городских видов и большой снимок мужчины с женщиной на фоне моря.

Я мельком посмотрела на него.

— Ваша жена? — спросила я.

Кравцов остановился.

— Да. Умерла три года назад.

— Простите.

— Не за что.

Он открыл дверь кабинета.

Комната оказалась просторной. Темные книжные шкафы, письменный стол, кожаные кресла и окно, выходящее в сад. На подоконнике стоял небольшой глобус.

Кравцов предложил мне кресло напротив стола.

Сам сел за письменный стол.

На поверхности лежали две папки и стеклянная подставка для ручек.

— Вы похожи на мужа, — сказал он.

Я не сразу поняла.

— Простите?

— В чертах лица нет. Но держитесь похоже. Он тоже сначала смотрел на документы, а уже потом начинал разговор.

Я почувствовала раздражение.

— Давайте не будем сравнивать меня с Павлом.

Кравцов кивнул.

— Как скажете.

Он сложил руки на столе.

— Ваша дочь производит впечатление очень настойчивого человека.

— У нее есть такая особенность.

— Она несколько месяцев пытается разобраться в истории, которая произошла задолго до того, как она могла в ней что-то понять.

— Я знаю.

— Вы знаете, зачем она ко мне приходила?

— Она сказала, что вы были знакомы с ее отцом.

— И это все?

— Почти.

Кравцов посмотрел на меня внимательно.

— Тогда я начинаю понимать, почему ей было трудно.

— Что именно трудно?

— Получить от вас ответы.

Я почувствовала, как напряжение возвращается.

— Виктор Сергеевич, я приехала не обсуждать мои отношения с дочерью.

— Разумеется.

Он потянулся к папке.

— Тогда начнем с того, ради чего вы приехали.

Он вынул документ.

Положил его передо мной.

Я посмотрела на первую страницу и почувствовала, как у меня похолодели руки.

Это была копия завещания.

На имя Софьи Павловны Рябининой.

— Что это? — спросила я, хотя уже прочитала заголовок.

— Мое распоряжение на случай смерти.

Я медленно подняла взгляд.

— Вы тоже завещали имущество моей дочери?

— Да.

— Какое?

— Загородный дом.

— Этот?

— Именно.

Он произнес это спокойно.

Так, будто сообщил мне о переносе встречи.

Я откинулась на спинку кресла.

— Вы серьезно?

— Вполне.

— Зачем?

— Считаю это справедливым.

— Справедливым по отношению к кому?

Кравцов помолчал.

— К вашему мужу. И к его дочери.

Я посмотрела на документ.

Дата — двадцать пятое сентября.

Через неделю после завещания Бориса Малинина.

Еще одно распоряжение, еще один чужой человек. И снова моя дочь.

— Соня об этом знает? — спросила я.

— О том, что я собирался составить завещание, я с ней не говорил.

— Почему?

— Не считал нужным.

— Зато со мной решили обсудить уже готовый документ?

— Я предполагал, что вы в курсе достигнутой договоренности.

— Какой договоренности?

Он посмотрел на меня так, словно впервые допустил, что разговор пойдет не по его плану.

— Нина Андреевна, мне передали, что ваша семья готова принять определенное возмещение и не возвращаться к публичным обвинениям.

Я почувствовала, как сердце забилося сильнее.

— Кто вам это передал?

— Михаил Руднев.

Я не сразу ответила.

Имя было знакомым.

Координатор волонтерской группы.

Человек, который летом сообщал мне, что Соня уже едет домой.

Тот самый Михаил, который вчера дал Ирине мой телефон и адрес работы.

— Руднев? — переспросила я.

— Да.

— Вы давно его знаете?

— Он участвовал в некоторых памятных мероприятиях после трагедии. Мы пересекались и раньше. В последнее время он помогал вашей дочери собирать сведения.

— Он сказал, что я согласна принять имущество?

— Он объяснил, что вы знаете о намерении участников прежних событий возместить семье понесенный ущерб.

— Вы уверены, что он говорил именно обо мне?

— Он назвал вас по имени и фамилии.

Я медленно выпрямилась.

— Виктор Сергеевич, я впервые увидела завещание Бориса Малинина вчера. О вашем услышала десять минут назад. Никакого согласия я никому не давала.

Кравцов молчал.

— Я даже не знала, что вы общаетесь с Соней, — продолжила я. — Не говоря уже о разговорах об имуществе.

Он открыл ящик стола, достал очки и снова посмотрел на документ.

— Это меняет некоторые обстоятельства, — произнес он.

— Какие?

— Я думал, что Михаил уже все объяснил вам.

— Что именно?

— Почему мы приняли такие решения.

— Тогда объясните сами.

Кравцов снял очки.

— Ваш муж погиб двенадцать лет назад. У семьи остался ребенок. Восстановить прежнее невозможно, но можно попытаться исправить хотя бы часть последствий.

Я смотрела на него.

— Исправить последствия завещанием?

— Это один из способов.

— А кто сказал, что моя дочь просила денег?

— Никто.

— Почему тогда вы решили, что она должна получить ваш дом?

Кравцов выдержал паузу.

— Потому что некоторые из нас давно должны были сделать хоть что-нибудь.

Эта фраза прозвучала иначе.

Без привычной уверенности.

Я посмотрела на его руки. На правой был тонкий золотой перстень с потемневшим камнем.

— Вы говорите о себе и Борисе Малинине?

— В том числе.

— Кто еще?

Он не ответил.

Я наклонилась вперед.

— Виктор Сергеевич, давайте проясним одну вещь. Моя дочь — несовершеннолетняя девушка. Вы и Борис Малинин — взрослые люди, которые знали ее отца. Почему вы обсуждали ее будущее с координатором волонтерского проекта, а не со мной?

Кравцов потерял дужку очков.

— Потому что Михаил был посредником.

— Между кем и кем?

— Между участниками той истории и вашей семьей.

— Без ведома семьи?

Он посмотрел на меня.

Я поняла, что вопрос попал в цель.

— Мне говорили, что вы знаете, — произнес он.

— Я уже сказала, что это неправда.

Он отложил очки.

— Значит, нас ввели в заблуждение.

Я не стала сразу соглашаться.

Руднев мог ошибиться. Мог передать слова Сони, которая действительно обещала мое согласие на встречу. Мог неправильно понять обрывок разговора.

Но откуда тогда взялась договоренность о возмещении?

И почему два обеспеченных человека, почти одновременно, решили оставить имущество моей дочери?

— Что вы получали взамен? — спросила я.

Кравцов поднял голову.

— Простите?

— Вы сказали, что моя семья должна была принять возмещение и не возвращаться к публичным обвинениям. Что конкретно вы ожидали от нас?

Он помолчал.

— Отказа от дальнейшего раздувания этой истории.

— То есть молчания.

— Не надо упрощать.

— Я ничего не упрощаю. Вы оставляете дом моей дочери. После вашей смерти. А до этого она должна молчать о том, что случилось с ее отцом. Правильно?

— Никаких юридически обязательных соглашений мы не заключали.

— Я не о юридической стороне.

Он несколько секунд смотрел на меня.

Потом сказал:

— Я хотел, чтобы все наконец оставили прошлое в покое.

Меня неожиданно охватила злость.

— Тогда почему вы вообще начали встречаться с Соней?

— Не я ее искал.

— Но вы с ней разговаривали.

— Да.

— И после этих разговоров составили завещание.

— Да.

— А теперь предлагаете мне считать это способом оставить прошлое в покое?

Кравцов поджал губы.

— Вы приехали услышать объяснение или предъявить мне обвинения?

Я заставила себя замолчать.

Потому что поняла: еще несколько таких вопросов — и он просто закончит встречу.

А мне нужно было узнать, что он знал о Павле.

Я посмотрела на копию завещания.

— У меня нет намерения получать ваш дом, Виктор Сергеевич.

— Это ваше право.

— Нет. Пока это не мое право и не моя собственность. Речь о распоряжении, которое вы сделали сами. И я хочу понять причину.

Он кивнул.

— Разумно.

— Тогда расскажите про Павла.

Кравцов встал.

Подошел к окну.

Снаружи ветер трепал голые ветки березы. По газону медленно ползла автоматическая машина для уборки листьев.

Я неожиданно подумала, что в нашем дворе листья уже неделю никто не убирал.

Люди с деньгами могли позволить себе не замечать некоторых мелких неудобств.

Кравцов заговорил, не поворачиваясь:

— Ваш муж работал на ремонте дома культуры «Спутник».

— Я знаю.

— Он руководил отделочной бригадой. Не основной подрядчик. Субподрядчик.

— Это я тоже знаю.

— На объекте были проблемы.

Я почувствовала, как напряжение в груди стало почти болезненным.

— Какие?

— Конструктивные.

— Вы можете говорить понятнее?

Кравцов повернулся.

— После ремонта часть здания нельзя было открывать без дополнительных работ. Существовал риск, о котором знали несколько человек.

Я смотрела на него.

— Кто именно?

— Руководство подрядчика. Инженерная служба. Администрация учреждения.

— А вы?

Он не отвел взгляд.

— Я руководил подрядной компанией.

— Значит, вы тоже знали.

— Я знал, что есть замечания.

Я почувствовала, как внутри поднимается старый, почти забытый страх.

Не страх перед Кравцовым.

Перед словами, которые он собирался произнести.

Двенадцать лет назад я уже слышала похожие объяснения.

«Были замечания».

«Имелись нарушения».

«Необходима дополнительная проверка».

За каждой такой фразой стояли девять погибших людей.

В том числе мой муж.

— Павел говорил мне, что работы еще не закончены, — сказала я. — За несколько дней до открытия. Мы тогда поссорились.

Кравцов внимательно посмотрел на меня.

— Он объяснил, в чем проблема?

— Нет. Сказал, что начальство торопит и что он не собирается отвечать за чужую работу. Я вспомнила тот вечер.

Павел вернулся поздно. Бросил рабочую куртку на стул, долго стоял под душем. Потом сел на кухне и почти не прикоснулся к ужину.

«Они там совсем с ума сошли», — сказал он.

Я спросила, что случилось.

Он махнул рукой.

«Не твое дело, Нин. Разберусь».

Я обиделась.

Мы не разговаривали почти до ночи.

Потом он подошел, обнял меня со спины и сказал, что скоро все закончится.

Через три дня его не стало.

— Павел предупреждал, что открывать здание нельзя, — произнес Кравцов.

Я подняла голову.

— Что?

— Десятого сентября он подал письменное предупреждение. Указал, что проведение мероприятия до устранения нарушений недопустимо.

Я не сразу осознала услышанное.

— Письменное?

— Да.

— Кому?

— Администрации учреждения. Копия должна была поступить и руководству подрядчика.

— И что с ним сделали?

Кравцов опустил глаза.

— Надлежащих мер не приняли.

Я почувствовала, как холодеют ладони.

— Но в материалах тогда говорилось, что Павел сам продолжил работы и не предупредил об опасности.

— Говорилось.

— И что он согласился открыть здание.

Кравцов молчал.

Я встала.

— Вы хотите сказать, что все это было неправдой?

— Я хочу сказать, что обстоятельства были сложнее.

Я почти рассмеялась.

От злости.

— Сложнее?

— Нина Андреевна...

— Двенадцать лет я слышала, что мой муж нарушил правила. Что из-за его действий погибли люди. Вы теперь говорите, что он предупреждал об опасности письменно, и называете это сложными обстоятельствами?

Кравцов отошел от окна.

— Я не утверждаю, что одного письма достаточно, чтобы установить всю ответственность.

— Тогда что вы утверждаете?

Он выдержал мой взгляд.

— Что Павел не молчал.

В кабинете стало тихо.

Я слышала только легкое гудение отопления.

Не знаю, сколько секунд прошло, прежде чем я смогла заговорить.

— Откуда вам известно о предупреждении?

— В те дни об этом говорили.

— Кто?

— Люди на объекте.

— А документ вы видели?

— Не оригинал.

— Копию?

Он на мгновение задержался с ответом.

— Мне показывали некоторые материалы. Давно. Сейчас я не готов утверждать, что именно осталось в моем архиве.

Я смотрела на него.

Человек, который двенадцать лет назад руководил подрядной компанией, теперь не мог вспомнить, видел ли важное письменное предупреждение.

Возможно, действительно не мог.

А возможно, не хотел.

— Вы давали показания после обрушения? — спросила я.

— Разумеется.

— И там говорили о предупреждении Павла?

— В тех материалах, с которыми я работал, оно не фигурировало как подтвержденный документ.

— То есть вы знали о нем, но не сообщили?

Кравцов резко выдохнул.

— Я не собираюсь обсуждать с вами каждую формулировку показаний двенадцатилетней давности.

— Почему?

— Потому что это серьезные вещи.

— Для меня тоже.

— Я понимаю.

— Нет, — сказала я. — Боюсь, не понимаете.

Он отвернулся.

Впервые за всю встречу у меня возникло чувство, что его раздражает не моя настойчивость, а собственная невозможность ответить.

Я подошла к окну.

За стеклом стоял ухоженный сад.

Двенадцать лет назад, когда Павла хоронили, Соня все время спрашивала, почему папа не просыпается.

Я тогда говорила, что он больше не может прийти.

Она спрашивала, почему.

Я объясняла, что произошла беда.

Она не понимала слова «беда».

Вечером после похорон я обнаружила ее под кроватью. Она держала в руках отцовскую футболку и плакала так тихо, что я сначала не заметила.

Теперь, спустя двенадцать лет, чужой человек говорил мне, что Павел предупреждал об опасности.

И я не знала, что с этим делать.

— У вас есть копия предупреждения? — спросила я, повернувшись.

— Сейчас под рукой нет.

— Где она?

— Возможно, в старом рабочем архиве. Часть документов хранится в прежнем офисе компании.

— Вы можете ее получить?

Кравцов помолчал.

— Я попробую.

— Когда?

— Завтра. У меня там остались папки по объекту. Нужно разобраться, что сохранилось.

— Я могу присутствовать?

— Нет необходимости.

— Для вас, возможно.

Он посмотрел на меня.

— Нина Андреевна, я понимаю ваше состояние. Но если вы хотите получить документы, дайте мне время.

Я села обратно.

Пальцы дрожали.

Мне пришлось положить ладони на колени, чтобы этого не было видно.

— Хорошо, — сказала я. — Завтра.

Кравцов кивнул.

Он открыл вторую папку, достал лист и подвинул ко мне.

На нем были напечатаны несколько фамилий и дат.

Я узнала фамилию Павла.

— Что это?

— Перечень материалов, которые я собираюсь проверить. Договоры, переписка, старые акты.

Я пробежала глазами строки: десятое сентября, двенадцатое сентября, сентябрь 2014 года. Подрядчик, субподрядчик, администрация дома культуры.

Я не понимала всех сокращений, но сама последовательность дат заставила меня напрячься.

— Почему вы занимаетесь этим сейчас? — спросила я.

Кравцов посмотрел на список.

— Потому что ваша дочь не согласилась с ответами, которые ей дали.

— И раньше вас все устраивало?

Он не ответил.

Я почувствовала, что начинаю понимать нечто неприятное.

Не подробности катастрофы.

Самого человека передо мной.

Кравцов не выглядел человеком, который решил неожиданно признаться во всем.

Скорее он хотел установить границы разговора.

Рассказать достаточно, чтобы его оставили в покое.

Но не настолько много, чтобы потерять контроль над собственной историей.

— Вы встречались с Борисом Малининым из-за этих материалов? — спросила я.

— Да. Мы обсуждали, что осталось после ремонта.

— Он тоже знал о предупреждении Павла?

Кравцов поправил папку.

— Думаю, Борису были известны обстоятельства, которые тогда не получили должной оценки.

— Что это значит?

— Он работал с технической частью объекта.

— И мог знать, что Павел не виноват?

— Я не стану делать такого вывода за следствие.

Я посмотрела на него.

Он явно привык выбирать слова.

Не потому, что не умел говорить прямо.

Потому, что понимал цену каждого произнесенного предложения.

— Борис передал Соне какие-нибудь документы? — спросила я.

Кравцов поднял голову.

— Она вам ничего не показывала?

— Нет.

Он отвел глаза.

— Тогда лучше спросить у нее самой.

Это был уже второй человек за сутки, который отправлял меня за ответами к собственной дочери.

Мне захотелось встать и уйти.

Но я осталась.

— Виктор Сергеевич, давайте вернемся к завещанию. Почему вы решили оставить дом именно Соне?

Он посмотрел на документ.

— Потому что она дочь Павла.

— Но вы даже не знаете, согласна ли я обсуждать прошлое.

— Теперь знаю, что вы готовы хотя бы выслушать.

— Не путайте это с согласием молчать.

Он кивнул.

— Не буду.

— Вы собираетесь оставить завещание в силе?

Кравцов некоторое время изучал мои руки, лежавшие на коленях.

— Пока не решил.

— Это же вы его составили.

— И я вправе его изменить.

— Конечно. Я не спорю. Но мне важно понимать, что происходит. Вчера ко мне пришла дочь Бориса и потребовала отказаться от квартиры. Сегодня вы показываете второй документ. Вы понимаете, как это выглядит?

— Как попытка возместить ущерб.

— Для меня — как попытка купить молчание моей семьи.

Кравцов устало вздохнул.

— Если бы я хотел купить молчание, я предложил бы деньги при жизни.

— Но тогда нужно было бы разговаривать с нами открыто.

Он долго молчал.

Потом произнес:

— Возможно, в этом и была моя ошибка.

Я не стала отвечать.

Он снова взял очки, надел их и внимательно посмотрел на список документов.

— Завтра я проверю архив, — сказал он. — Если найду материалы по предупреждению, мы сможем встретиться еще раз.

— Вы готовы передать их следователям?

— Я сначала хочу знать, что именно у меня сохранилось.

— А потом?

— Потом будем решать.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Я поднялась.

Кравцов тоже встал.

— Нина Андреевна, — сказал он, когда я уже взяла сумку. — Ваш муж действительно предупреждал о проблемах. Это не слух, который ваша дочь придумала за последние месяцы.

Я обернулась.

— Почему вы говорите мне об этом только сейчас?

Он посмотрел на полки с книгами.

— Потому что раньше никто не заставлял меня отвечать на эти вопросы.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается злость.

— Вы могли ответить без принуждения.

Кравцов кивнул.

— Мог.

Он проводил меня до двери.

В прихожей я надела пальто, поправила шарф.

— Вы знали Павла лично? — спросила я.

— Да.

— Каким он был?

Кравцов задумался.

— Упрямым.

Я невольно улыбнулась.

Это слово подходило Павлу лучше любого другого.

— Ему говорили, что надо закончить работы к сроку, — продолжил Кравцов. — Он спорил. Требовал бумагу на каждое распоряжение. Постоянно говорил, что потом крайними сделают тех, кто непосредственно работал на объекте.

Я медленно застегнула пальто.

— Он действительно так говорил?

— Да.

— И вы считали его неправым?

Кравцов отвел взгляд.

— Тогда считал, что он преувеличивает.

— А сейчас?

Он не ответил.

Мне стало ясно, что на сегодня разговор окончен.

Я вышла во двор.

Ветер усилился.

Небо было низким, серым, а мокрые листья прилипали к дорожке.

Я прошла до ворот, достала телефон и вызвала такси.

Пока машина ехала, я еще раз посмотрела на сообщение с адресом Кравцова.

Человек, который несколько минут назад говорил о письменном предупреждении моего мужа, жил в доме, который собирался завещать моей дочери.

Если бы завещание осталось в силе, а Виктор умер, Соня могла бы получить этот дом.

Но зачем мне было думать об этом?
Я не желала смерти Кравцову.
Не хотела его имущества.
Мне хотелось только одного — чтобы он нашел обещанные документы.
И чтобы слова о Павле оказались правдой.

Обратная дорога заняла чуть больше получаса.
На въезде в Реченск образовалась пробка: на перекрестке ремонтировали светофор, и машины по очереди пропускали друг друга.
Я сидела на заднем сиденье, смотрела в окно и пыталась привести мысли в порядок.
Вчера я узнала о завещании Бориса Малинина.
Сегодня — о завещании Виктора Кравцова.
Оба знали моего мужа.
Оба общались с Соней.
Оба почему-то считали, что имущество может стать ответом на вопросы, которые дочь задавала о гибели отца.
И оба действовали через Михаила Руднева.
Я открыла блокнот в телефоне.
Записала четыре вопроса.
Почему Руднев говорил Кравцову о моем согласии?
Что именно он обещал от нашего имени?
Знал ли он о завещании Бориса?
Какие документы есть у Сони?
Последний вопрос показался самым неприятным.
Дочь уже несколько месяцев занималась расследованием, о котором я не знала почти ничего.
Она могла хранить дома бумаги, фотографии, записи разговоров.
Могла знать имена людей, которых я много лет старалась забыть.
А я продолжала спрашивать, сделала ли она уроки и почему задержалась в библиотеке.
В машине стало душно.
Я попросила водителя чуть открыть окно.
В салон ворвался холодный воздух.
— Не замерзнете? — спросил он.
— Нет, спасибо.
Я снова посмотрела на телефон.
Соня прочитала мое сообщение о встрече с Кравцовым.
Ответа не было.
Я написала:
«Я уже возвращаюсь. Поговорим вечером».
На этот раз дочь ответила быстро.
«Он все рассказал?»
Я долго смотрела на экран.
Что значит «все»?
Что именно Соня считала самым важным?
«Рассказал кое-что о работе папы. И показал завещание».
Ответ пришел почти сразу:
«Какое завещание?»

Я почувствовала облегчение.
Необъяснимое, но настоящее.
Соня не знала.

По крайней мере, ее реакция не была похожа на реакцию человека, который ожидал именно такого сообщения.

«На дом, в котором он живет».
Точки появились.
Исчезли.

Потом Соня написала:

«Мам, я не понимаю, что происходит».

Я смотрела на ее слова и впервые за два дня поверила, что дочь действительно может быть напугана не меньше меня.

«Я тоже. Поэтому нам нужно спокойно поговорить».

Она поставила реакцию в виде маленького сердечка.

Обычно Соня отправляла такие, когда просила что-нибудь купить или хотела закончить разговор без длинных объяснений.

Сегодня я была рада даже этому сердечку.

Дома я оказалась около трех.

Соня еще не вернулась из школы.

Я сняла пальто, поставила сумку на стул и пошла на кухню.

В холодильнике стояла кастрюля со вчерашним супом. Я налила его в тарелку, разогрела и села у окна. Есть не хотелось, но я заставила себя съесть несколько ложек.

Потом отнесла тарелку в раковину.

На холодильнике висел старый магнит с видом Ключевска.

Соня когда-то привезла его из школьной поездки, еще в пятом классе. Класс ездил на экскурсию в краеведческий музей. Я долго сомневалась, отпускать ли дочь в город, из которого сама уехала.

В итоге разрешила.

Она вернулась довольная, рассказывала о старых купеческих домах, о выставке фотографий, о большой модели железнодорожной станции.

Про дом культуры «Спутник» не сказала ни слова.

Я тогда решила, что экскурсовод просто не упоминал трагедию.

Теперь вдруг подумала, что могла ошибаться.

Возможно, Соня узнала о старом здании раньше мая.

Но в паспорте проекта, который она делала весной, действительно была отдельная тема о городских событиях.

Я вспомнила, как она сидела над ноутбуком и спрашивала:

«Мам, почему про папу пишут такое?»

Я тогда не дала ей договорить.

Теперь мне хотелось вернуться в тот вечер.

Сесть рядом.

Посмотреть, что именно она нашла.

Объяснить, что происходило после смерти Павла.

Но вернуться в тот вечер я не могла.

Я могла только дожидаться дочери и на этот раз выслушать ее.

Телефон зазвонил.

Я вздрогнула.

На экране высветилось имя Ирины Малининой.

Несколько секунд я смотрела на него, прежде чем ответить.

— Здравствуйте.

— Нина Андреевна?

— Да.

— Простите, что звоню. Я хотела спросить, поговорили ли вы с Софьей.

Я села.

— Поговорила.

— И?

— Она утверждает, что не знала о завещании вашего отца.

Ирина тяжело вздохнула.

— Я так и предполагала.

— Что именно?

— Что она скажет, будто ничего не знала.

Я почувствовала раздражение.

— Ирина, я не говорю, что вопрос закрыт. Мы записались на консультацию к нотариусу.

Будем разбираться официально.

— Значит, отказываться она не собирается?

— Я этого не говорила.

— Но и согласия нет.

— Отказ от наследства несовершеннолетней нельзя оформить просто по нашему желанию. Нужна установленная процедура.

Ирина молчала.

Потом тихо спросила:

— Вам хоть немного жаль моего отца?

Я не ожидала такого вопроса.

— Конечно.

— Вы же его не знали.

— Не знала. Но вижу, что он был дорог моей дочери. И понимаю, что вы потеряли отца.

Она несколько секунд ничего не говорила.

— Мне кажется, я сейчас злюсь не только из-за квартиры, — произнесла Ирина наконец.

— Понимаю.

— Я вчера пришла домой и долго смотрела на его фотографии с Софьей. Знаете, что самое обидное?

— Что?

— Он на них счастливый.

Я опустила глаза.

— А со мной в последние месяцы почти не разговаривал. Я звонила, спрашивала, как он себя чувствует, что купить. Он отвечал: «Нормально, ничего не надо». А с вашей дочерью гулял, смеялся, праздновал день рождения.

Она коротко всхлипнула.

— Простите.

— Не извиняйтесь.

— Я понимаю, что Софья не виновата в наших с отцом отношениях. Просто мне пока очень трудно.

Я впервые за все время разговора услышала не обвинение.

Скорее признание.

— Ирина, — сказала я, — я не могу обещать, что все решится так, как вы хотите. Но могу обещать, что мы не будем делать ничего за вашей спиной.

Она выдохнула.

— Спасибо.

Мы договорились созвониться после консультации.

Когда я положила трубку, мне стало еще тяжелее.

До вчерашнего дня квартира Бориса Малинина была для меня абстрактной чужой собственностью.

Теперь за ней стояли его умершая жена, взрослая дочь, испорченные отношения, фотографии, которые Ирина не могла перестать рассматривать.

Я уже понимала, почему наследственные споры иногда длятся годами.

Люди делят не только имущество.

Иногда им кажется, что вместе с ним разделяют любовь умершего человека.

И никто не хочет получить меньшую часть.

Соня вернулась в четыре двадцать.

Я услышала, как она возится с ключами, потом дверь открылась.

— Мам, я дома!

— На кухне.

Она появилась с рюкзаком на одном плече.

На лице было привычное выражение усталого школьника, которому еще предстоит делать домашнее задание.

— Ты уже съездила?

— Да.

— И?

Я указала на стул.

— Садись.

Соня сняла рюкзак.

— Можно сначала переодеться?

— Конечно.

Она ушла в комнату.

Вернулась через десять минут в домашних брюках и футболке.

Я уже поставила чайник и достала печенье.

Соня посмотрела на стол.

— Это у нас теперь официальное совещание?

Я невольно улыбнулась.

— Похоже на то.

Она села.

Я придвинула к ней фотографию с Кравцовым.

— Он показал мне завещание, — начала я. — От двадцать пятого сентября. Оставил тебе загородный дом.

Соня внимательно смотрела на меня.

— Тот, в котором живет?

— Да.

— Зачем?

— Сказал, что считает это справедливым возмещением за то, что произошло с твоим отцом.

Она медленно опустила взгляд на фотографию.

— Он никогда не говорил мне о деньгах.

— Я это поняла.

— Правда?

— Соня, я сегодня много с ним разговаривала. И теперь вижу, что вы обсуждали совсем другие вещи.

Дочь явно не ожидала такого ответа.

Она взяла печенье, но есть не стала.

— Что он рассказал про папу?

— Сказал, что Павел предупреждал об опасности перед открытием дома культуры. Письменно.

Соня резко подняла голову.

— Он подтвердил?

— Да.

— Прямо сказал, что папа подал предупреждение?

— Да.

— И что с ним сделали?

— Не приняты необходимые меры. По крайней мере, так он выразился.

Она горько усмехнулась.

— Конечно.

— Что?

— Ничего.

— Соня.

Она положила печенье обратно.

— Он всегда так говорит. «Не приняты меры». «Обстоятельства были сложными». «Невозможно однозначно оценить». Я ему в последний раз сказала, что если человек знает об опасности и все равно открывает здание, то дело не в сложных обстоятельствах.

Я смотрела на дочь.

— Ты с ним спорила?

— Да.

— Насколько серьезно?

— Серьезно.

— Ты угрожала ему?

Она замерла.

Я заметила это сразу.

— Соня?

— Я сказала, что рано или поздно все станет известно.

— Это угроза?

— Это правда.

— Не всегда одно исключает другое.

Она отвела взгляд.

Я поняла, что добралась до еще одной темы, о которой дочь не хотела говорить.

Но сейчас меня интересовало другое.

— Он сказал, что Михаил Руднев обсуждал с ним возмещение, — произнесла я.

Соня нахмурилась.

— Какое возмещение?

— Имущество. Завещание. Возможность закрыть старую историю без публичного разбирательства.

Она посмотрела на меня с явным недоумением.

— Михаил?

— Да.

— Но он никогда не говорил, что они собираются оставлять мне дома и квартиры.

— Возможно, потому что не считал нужным.

Соня покачала головой.

— Нет. Это странно.

— Мне тоже так кажется.

Она села прямее.

— Михаил помогал мне связываться с людьми. Он находил старые адреса, объяснял, как договариваться о встречах, иногда отвозил меня. Но я не просила его ни о каких завещаниях.

— Он утверждал Кравцову, что я знаю о договоренности.

Соня перестала двигаться.

— О чем?

— Что я согласна принять возмещение и не возвращаться к публичным обвинениям.

Она несколько секунд смотрела на меня.

— Мам, я такого не говорила.

— Ты обещала Кравцову, что я согласна встретиться с ним.

Соня опустила глаза.

Вот теперь я увидела знакомое выражение.

Не растерянность.

Вину.

— Да, — произнесла она.

Я ничего не сказала.

Соня провела пальцем по краю чашки.

— Я сказала, что ты согласишься выслушать его.

— Хотя меня даже не спросила.

— Да.

— Зачем?

Она тяжело выдохнула.

— Потому что иначе он бы не стал с тобой разговаривать.

— Он сам это сказал?

— Почти. Он все время спрашивал, знаешь ли ты, что я делаю. Говорил, что взрослые должны обсуждать такие вещи между собой, а не через подростка.

— И ты ответила, что я знаю?

— Сначала сказала, что ты не против. Потом он спросил, готова ли ты приехать. Я сказала, что поговорю с тобой.

— Но не поговорила.

— Нет.

— Почему?

Она подняла на меня глаза.

— Потому что я боялась, что ты запретишь.

Я почувствовала усталость.

— Соня, я не могу решать вопросы, о которых ничего не знаю.

— Я понимаю.

— Тогда зачем ты обещала от моего имени?

Она поджала губы.

— Хотела, чтобы он согласился. И думала, что если ты узнаешь, что он готов говорить о папе, то сама захочешь встретиться.

— Ты решила поставить меня перед фактом?

— Наверное, да.

Я посмотрела в окно.

Дождь снова начался, мелкий и ровный.

По стеклу медленно стекали капли.

— Ты понимаешь, что он мог принять твои слова за мое настоящее согласие? — спросила я.

— Теперь понимаю.

— А Михаил?

— Что Михаил?

— Ты говорила ему, что я готова на встречу?

— Да. Я сказала, что постараюсь тебя убедить.

— Он мог решить, что ты уже убедила?

Соня задумалась.

— Не знаю.

Я вздохнула.

Возможно, вся история с моим якобы согласием началась с обычной подростковой уверенности: если очень нужно, мама в конце концов согласится.

Но два завещания это не объясняло.

— Мне нужно поговорить с Рудневым, — сказала я.

Соня кивнула.

— Хорошо.

Я взяла чашку.

Чай давно остыл.

— Соня, я хочу, чтобы ты кое-что поняла. Я не против того, что ты интересуешься отцом. И не против того, что ты хочешь узнать правду о его смерти.

Она смотрела на меня внимательно.

— Но ты была против в мае.

Я почувствовала, как слова застревают в горле.

— Да.

— Почему?

Я посмотрела на дочь.

Семнадцать лет.

Почти взрослая.

Через несколько месяцев она окончит школу, будет выбирать вуз, возможно, переедет в другой город. А я до сих пор не могла рассказать ей историю, которая определила большую часть нашей жизни.

— Потому что мне было страшно, — ответила я.

Соня не отвела взгляд.

— Чего?

Я долго молчала.

В памяти всплывали лица журналистов, лестница больницы, люди у дверей морга, телефонные звонки по ночам.

И слова, которые мне говорили после гибели Павла.

«Он отвечал за работы».

«Его предупреждали».

«Надо было раньше думать».

Я знала, что не все эти утверждения были подтверждены. Но тогда не умела отделять факты от чужой уверенности.

Со временем я просто перестала обсуждать тему.

— Боялась, что все начнется заново, — произнесла я.

— Что именно?

— Разговоры о Павле. Обвинения. Вопросы, на которые у меня самой нет ответов.

Соня опустила глаза.

— Но это ведь мой папа.

Я кивнула.

— Да.

— Я не могу просто делать вид, что ничего не произошло.

— Знаю.

Она долго молчала.

Потом спросила:

— Виктор Сергеевич сказал, что у него есть документы?

— Да. Обещал завтра проверить старый рабочий архив.

— Правда?

— Да.

Дочь сжала пальцы.

— Мам, это очень важно.

Я посмотрела на нее.

— Почему?

— Потому что до сих пор все говорили разное. Кто-то помнит одно, кто-то другое. А документы...

Она запнулась.

Я заметила, что ее голос изменился.

Не просто заинтересованная девушка, которая нашла старую историю.

Человек, которому очень нужно, чтобы кто-то наконец подтвердил ее слова.

— Соня, — сказала я. — Ты ведь знаешь больше, чем рассказываешь.

Она посмотрела на меня.

— Да.

Впервые за два дня она не стала спорить.

— У тебя есть какие-то документы?

— Есть.

— Какие?

Дочь посмотрела на дверь своей комнаты.

— Сейчас принесу.

Она поднялась.

Я осталась сидеть за столом.

Слышала, как Соня открывает ящик письменного стола, перекладывает бумаги, что-то ищет.

Потом зашуршал принтер.

Я нахмурилась.

Через несколько минут она вернулась с одним листом.

Бумага была обычной, белой, с чуть загнутым краем.

Соня положила ее передо мной.

— Я нашла это в мае, — сказала она. — Когда делала школьный проект.

Я посмотрела на лист.

Сверху был логотип старого городского интернет-издания.

Дата — сентябрь 2014 года.

Заголовок:

«Причиной трагедии в доме культуры могли стать нарушения со стороны подрядной бригады».

Ниже — фотография обрушившейся части здания.

Я узнала ее сразу.

Обломки перекрытий. Сломанные металлические ограждения. Оранжевые куртки спасателей. Люди, стоявшие за оградительной лентой.

Я видела этот снимок двенадцать лет назад.

Тогда он был в каждой местной газете.

Я заставила себя прочитать текст.

В статье говорилось о девяти погибших, о нарушениях при проведении ремонтных работ, о проверке документов и предварительных выводах.

В третьем абзаце была фамилия моего мужа.

Павел Власов.

Руководитель отделочной бригады.

Человек, которого журналист назвал одним из ответственных за допущенные нарушения.

Я перестала читать.

— Ты это видела? — спросила Соня.

Я медленно подняла голову.

— Да.

Она стояла напротив меня.

— Раньше?

Я кивнула.

— Двенадцать лет назад.

— Значит, ты знала.

В ее голосе не было удивления.

Она словно давно подозревала ответ и теперь просто слышала подтверждение.

— Да, — сказала я.

Соня села.

Не напротив.

На соседний стул.

Она придвинула статью ближе.

— Мам, я хочу, чтобы ты сейчас рассказала мне все, — произнесла она. — Не то, что говорила, когда я была маленькой. Не то, что ты думаешь, мне лучше знать. А все, что произошло с папой.

Я посмотрела на фотографию разрушенного здания.

Потом на фамилию мужа.

Все это время мне казалось, что прошлое осталось в Ключевске.

Но оно лежало на нашем кухонном столе, распечатанное на обычном листе бумаги.

И моя дочь больше не собиралась позволять мне переворачивать этот лист чистой стороной вверх.

ГЛАВА 3. Фамилия отца

Я узнала эту фотографию раньше, чем прочитала заголовок.

Разрушенная стена дома культуры, вывернутые металлические конструкции, спасатель в оранжевой куртке, стоявший возле обломков. В левом нижнем углу кто-то оставил на асфальте детский рюкзак с изображением медведя.

Двенадцать лет назад я запомнила именно этот рюкзак.

Не погибших людей. Не страшные цифры в газетах. Не кадры разрушенного здания, которые показывали по телевизору.

Рюкзак.

Соня тогда ходила в детский сад с похожим.

Я смотрела на фотографию и думала, что ребенок, которому принадлежала эта вещь, мог утром попросить маму застегнуть молнию, пожаловаться на неудобные лямки, забыть дома сменную обувь. Мог сердиться из-за манной каши и требовать, чтобы его забрали пораньше.

А потом его рюкзак оказался возле разрушенного здания.

Я никогда не узнала, кому он принадлежал.

— Мам?

Соня придвинула ко мне распечатку.

Я подняла глаза.

— Ты прочитала статью целиком? — спросила она.

— Да.

— Когда?

— В сентябре четырнадцатого.

— И ничего мне не сказала.

Я посмотрела на дату публикации.

Четырнадцатое сентября 2014 года.

К тому времени Павел был мертв двое суток.

Его тело еще находилось в море. Я ждала результатов экспертизы и пыталась добиться разрешения забрать его для похорон.

А кто-то уже написал, что причиной трагедии могли стать нарушения со стороны подрядной бригады.

— Тебе было пять лет, — сказала я.

— Мне сейчас семнадцать.

— Я знаю.

— Тогда почему ты продолжала молчать?

На кухне тихо гудел холодильник.

Я смотрела на дочь и не могла заставить себя начать.

Сколько раз за прошедшие годы я представляла этот разговор? Наверное, десятки. Иногда мне казалось, что расскажу ей все, когда исполнится двенадцать. Потом решила дожидаться четырнадцати. После шестнадцатого дня рождения снова отложила.

Всегда находилась причина.

Экзамены. Болезнь. Переезд школы в другое здание. Сонины проблемы с одноклассниками. Моя усталость.

Но ни одна из этих причин не имела отношения к Павлу.

— Я боялась, — произнесла я наконец.

Соня скрестила руки.

— Ты уже говорила.

— Тогда дай мне объяснить, чего именно.

Она молча откинулась на спинку стула.

Я перевернула распечатку чистой стороной вверх.

Соня заметила движение.

— Не надо ее прятать.

— Я не прячу. Мне трудно смотреть на фотографию.

Она немного помолчала.

Потом забрала лист и положила рядом с собой.

— Хорошо. Рассказывай.

Я сцепила пальцы.

— Павел работал на ремонте дома культуры «Спутник» в Ключевске. Руководил отделочной бригадой. Он не отвечал за все здание, но подрядчики работали одновременно, и к открытию все торопились.

— Я знаю, что он был бригадиром.

— Тогда ты знаешь больше, чем я думала.

— Мам.

— Хорошо. Прости.

Я вздохнула.

— Примерно за неделю до открытия он начал приходить домой злой. Не раздраженный, как после тяжелого дня. Именно злой. Мог полчаса молчать, потом вдруг начать ругаться из-за какой-нибудь мелочи.

— Из-за работы?

— Да. Он говорил, что на объекте делают что-то неправильно, но подробностей мне не рассказывал.

Я ненадолго замолчала.

Перед глазами возникла наша старая кухня.

Крошечная, с криво висящим шкафом и желтыми занавесками, которые я купила после свадьбы. На столе лежали ключи Павла и смятый чек из магазина.

Муж стоял возле окна, курил, хотя уже несколько месяцев обещал бросить.

— Я тогда была сердита на него, — продолжила я. — Очень. Соня, ты не помнишь, но мы собирались переехать в квартиру побольше. Нам почти одобрили ипотеку. Павел обещал, что после завершения ремонта дома культуры у него будет хорошая премия. А потом вдруг начал говорить, что хочет уволиться.

— Почему?

— Из-за конфликта с начальством. Он считал, что его заставляют подписывать какие-то бумаги, за которые он не должен отвечать.

Соня выпрямилась.

— Какие бумаги?

— Не знаю.

— Он не показывал?

— Нет.

— Но ты спрашивала?

Я посмотрела на нее.

— Конечно. Мы тогда даже поссорились.

— Из-за того, что он не рассказывал?

— В том числе. Мне казалось, что он сам ищет проблемы. У нас маленький ребенок, ипотека на подходе, а он хочет бросить работу. Я говорила, что можно потерпеть еще несколько месяцев.

Я провела ладонью по столу, хотя крошек на нем не было.

— Павел ответил, что не собирается отвечать за чужие решения. Я сказала, что он всегда сначала ссорится, а потом думает. Он обиделся. Ушел в комнату, долго возился с документами.

— Это было перед обрушением?

— За несколько дней.

— А десятого сентября?

Я подняла голову.

— Что десятого?

— Виктор Кравцов сказал, что папа подал предупреждение. Ты помнишь этот день?

Я попыталась восстановить события.

Десятое сентября.

Среда.

Соня болела. У нее была температура, я не водила ее в садик. Павел вернулся раньше обычного, принес апельсины и детский журнал.

— Он пришел домой около пяти, — сказала я. — Помню, потому что удивилась. Обычно возвращался после семи.

— И что говорил?

— Что остановил работы своей бригады. Что больше не собирается выходить, пока начальство не разберется с нарушениями.

Соня подалась вперед.

— Он прямо так сказал?

— Почти дословно.

— Почему ты раньше мне этого не рассказывала?

— Потому что тогда не придавала этому значения. Я думала, он просто поссорился с руководством.

— Но после обрушения...

— После обрушения я пыталась рассказать следователю все, что помнила. И об этом тоже.

Соня замерла.

— Ты давала показания?

— Да. Несколько раз.

— У тебя остались копии?

— Некоторые документы сохранились. Они в папке с бумагами Павла.

— Где эта папка?

— В шкафу, на верхней полке.

Дочь посмотрела в сторону коридора.

Я знала этот взгляд.

Она уже собиралась встать и пойти искать.

— Соня, подожди. Ты хотела услышать всю историю.

Она медленно вернулась к разговору.

— Хорошо.

Я взяла кружку с остывшим чаем.

— Двенадцатого сентября Павел ушел утром. Сказал, что заедет на объект, заберет кое-какие бумаги и инструменты. Я спросила, зачем ему вообще туда ехать, если бригада не работает.

— Что он ответил?

— Что хочет убедиться, что все нормально.

Я горько усмехнулась.

— Это были его последние слова перед уходом. Не «я тебя люблю». Не что-нибудь красивое. Просто: «Нин, не переживай, я ненадолго».

Я помнила, как он надевал ботинки.

Один шнурок был надорван, и я напонила, что нужно купить новые.

Он сказал, что вечером обязательно купит.

Потом поцеловал Соню в макушку. Она сидела на полу и собирала башню из деревянных кубиков.

На прощание Павел попросил ее оставить самый высокий этаж для него.

Он так и не вернулся.

— Когда началось обрушение, внутри еще были люди, — сказала я. — Павел оказался рядом. Потом мне рассказали, что он помогал выводить их из опасной части здания. И вернулся за теми, кто оставался внутри.

Соня вытерла ладонью щеку.

Я впервые заметила, что она плачет.

— Ты говорила, что он спас людей.

— Да.

— Это правда?

— Насколько мне известно, правда.

— Насколько?

Я не обиделась на этот вопрос.

Дочь имела право спрашивать.

— Я не видела этого сама. Мне рассказывали свидетели. Один из рабочих говорил, что Павел помог ему выбраться. Другой рассказывал, что видел, как он возвращался внутрь.

Соня прижала пальцы к губам.

— А потом его обвинили.

— Да.

Я посмотрела на распечатку.

— Сначала говорили о нарушениях при ремонте. Потом в газетах появилась версия, что Павел не остановил работы вовремя, не предупредил об опасности и фактически согласился с открытием здания.

— Но он остановил бригаду.

— Так он сказал мне. Я повторила это следователю.

— Тебе поверили?

Я долго молчала.

— Не знаю, Соня. Дело не в одном разговоре. Проверяли документы, показания разных людей, распределение работ. Меня спрашивали, что Павел говорил дома, были ли у него конфликты. Я рассказывала все, что могла вспомнить. Но письменного предупреждения у меня не было.

Соня положила ладони на стол.

— А кто сказал, что он виноват?

— Сначала журналисты ссылались на предварительные выводы. Потом несколько человек из тех, кто работал на ремонте, стали говорить, будто Павел самовольно продолжал работы, несмотря на запрет.

— Кто эти люди?

— Я не помню всех фамилий.

Она недоверчиво посмотрела на меня.

— Правда?

— Правда. Некоторые фамилии я видела только в документах. С Кравцовым вот только вчера поговорила лично. Его компания была основным подрядчиком.

— А Бориса Малинина?

Я задумалась.

— По словам Кравцова, он работал с инженерной частью проекта. Но в те годы я с ним не разговаривала.

Соня опустила взгляд.

Я почувствовала, что она знает нечто большее, но сейчас не стала расспрашивать.

— Преследование в отношении Павла прекратили в связи с его смертью, — продолжила я. — Приговора не было. Суд не установил его виновность. Но люди об этом не думали. В газетах все уже было написано.

— И ты с этим согласилась?

В ее голосе появилась резкость.

— Нет.

— Тогда почему ничего не сделала?

Я сжала кружку.

Вот он, вопрос, которого я боялась все двенадцать лет.

Я могла рассказать о журналистах, следователях, документах и чужих свидетельствах.

Но рано или поздно дочь должна была спросить именно это.

Почему ты не защитила папу?

— Сначала я пыталась, — сказала я. — Ездила к следователю, писала заявления, разговаривала с юристом. У меня почти не было денег. Я не понимала половины юридических формулировок. Каждый раз, когда казалось, что нашла зацепку, выяснялось, что нужен еще один документ или еще одна проверка.

— И ты перестала.

— Да.

Соня отвернулась.

Я продолжила, пока не потеряла решимость.

— Когда мне сообщили о прекращении преследования в отношении Павла, я не стала оспаривать это решение. Юрист объяснял, что можно добиваться проверки обстоятельств для восстановления его имени. Но я не выдержала.

— Чего?

— Всего.

Я слышала собственный голос и ненавидела его за беспомощность.

— Люди звонили домой. Некоторые спрашивали, как я себя чувствую, а потом начинали выяснять, правда ли Павел нарушил инструкции. Кто-то присылал ссылки на статьи. Одна женщина сказала мне возле магазина, что погибших не вернуть, но виновные должны отвечать. Она даже не знала, кто я. Просто увидела мою фамилию в списке на стенде.

Соня смотрела в окно.

— Однажды ты пришла из детского сада и спросила, почему мальчик сказал, что твоего папу посадят.

Дочь повернулась.

— Я такое спрашивала?

— Да. Ты тогда даже не понимала, что значит «посадят». Думала, что папу куда-то увезут и он вернется.

Она опустила голову.

— Я не помню.

— Я помню.

Где-то в квартире щелкнула батарея.

Я сделала глоток холодного чая.

— Потом мне предложили работу в Реченске. Небольшую зарплату, но стабильную. Я продала то, что могла продать, собрала вещи, и мы переехали. Через несколько месяцев я вернула девичью фамилию.

— А мою тоже поменяла.

— Да.

— Чтобы никто не знал, кто мой отец?

Я хотела возразить.

Сказать, что дело было не только в этом. Что удобнее, когда у матери и ребенка одинаковая фамилия. Что после смерти мужа я имела право вернуть свою.

Все это было правдой.

Но не всей.

— В том числе, — признала я.

Соня кивнула.

— Значит, ты решила, что проще сделать вид, будто ничего не было.

— Нет. Я хотела, чтобы ты могла нормально жить.

— А кто решил, что мне нельзя знать?

Я отвела глаза.

— Я.

— Почему ты думала, что знаешь, как мне будет лучше?

Я не нашла ответа.

Соня встала, подошла к раковине и вылила остатки чая из своей кружки.

Потом долго стояла спиной ко мне.

— В мае я показала тебе эту статью, — произнесла она.

— Помню.

— Нет, мам. Ты не помнишь, что сказала.

Я напряглась.

— А что я сказала?

Соня обернулась.

— Что это грязь, которую написали чужие люди ради денег. Что мне нельзя ворошить то, в чем я ничего не понимаю. И что если я еще раз принесу домой подобное, ты забереешь ноутбук.

Я закрыла глаза.

Теперь вспомнила.

Я действительно пригрозила ноутбуком.

Не потому, что Соня сделала что-то плохое.

Просто в тот момент мне показалось, что прошлое снова врывается в квартиру, где я наконец научилась спокойно спать.

— Я не должна была так говорить, — произнесла я.

— Но сказала.

— Да.

Соня вернулась к столу.

— Я тогда подумала, что, может, ты сама не знаешь правды. А потом решила, что знаешь, только не хочешь рассказывать.

Я слушала.

— И знаешь, что самое обидное? Я ведь поверила тебе, когда была маленькой. Ты рассказывала, что папа погиб, помогая людям. Я всегда им гордилась.

Она коснулась пальцем распечатки.

— А потом нашла статью, где его называют виновным. И не знала, чему верить.

— Он действительно помогал людям, Соня.

— Я хочу знать не только это.

— Понимаю.

Она покачала головой.

— Нет. Пока не понимаешь.

Я не стала спорить.

Возможно, впервые за долгое время мне следовало просто согласиться.

До десяти вечера мы говорили о Павле.

Не обо всем сразу. Соня задавала вопросы, я отвечала, иногда останавливалась, чтобы вспомнить подробность.

Мы достали из шкафа старую папку.

Она пахла пылью и бумагой. На обложке я когда-то написала черной ручкой: «Павел. Документы».

Соня осторожно положила ее на стол.

Внутри лежали трудовые договоры, копии свидетельств, старые справки, несколько писем и фотографии.

Дочь впервые увидела не только портрет отца, который стоял у нас в гостиной, но и его обычные документы.

Ксерокопию паспорта.

Старую фотографию на удостоверение.

Заявление о приеме на работу.

Расписку, которую он дал знакомому после покупки подержанной машины.

— У него был такой же почерк, как у меня, — заметила Соня.

Я посмотрела на строчки.

Буквы у Павла были крупные, угловатые. Он никогда не умел красиво писать.

У Сони почерк был почти такой же, хотя она старательно выводила буквы, когда подписывала рисунки.

— Правда, — сказала я.

Она взяла фотографию.

На ней Павел стоял возле машины в старой куртке. Щурился от солнца и держал в одной руке пластиковый стаканчик.

— Это где?

— Под Ключевском. Мы ездили на озеро. Ты тогда была совсем маленькая.

— Почему у него такой смешной вид?

Я улыбнулась.

— Потому что он разлил кофе на штаны и пытался сделать вид, что ничего не произошло.

Соня рассмеялась.

Негромко, почти виновато.

Потом прижала фотографию к груди.

— Ты всегда рассказывала, каким он был хорошим.

— Он был хорошим.

— Но ведь иногда злился?

— Конечно.

— Мог на тебя накричать?

Я подумала.

— Мог. И я на него тоже. Павел был упрямым. Иногда слишком. Если что-то решил, переубедить его было трудно.

— Вы часто ссорились?

— Не чаще других, наверное. Из-за денег, работы, домашних дел. Он постоянно обещал починить кран в ванной и три месяца не мог собраться.

Соня улынулась.

— Очень похоже на тебя.

— Спасибо.

— Я серьезно.

Она снова посмотрела на фотографию.

— Я хочу знать его настоящим.

От этих слов мне стало больнее, чем от всех предыдущих обвинений.

Потому что я действительно оставила дочери очень удобного отца.

Человека, который всегда поступал правильно, любил нас и погиб героем.

Настоящий Павел любил нас ничуть не меньше. Но он мог забыть купить хлеб, вспылить из-за пустяка, потратить последние деньги на ненужные инструменты и потом смеяться, когда я начинала ругаться.

Он умел чинить чужие вещи и не мог заставить себя починить собственный кухонный шкаф.

Он обожал дочь и однажды уснул, пока читал ей сказку. Соня разбудила его и потребовала закончить, потому что принцесса еще не добралась до замка.

Я столько лет боялась рассказать об обвинениях, что постепенно перестала рассказывать и все остальное.

— Я попробую, — пообещала я.

Соня кивнула.

Она не сказала, что простила меня.

И я не ждала.

Когда часы показали половину одиннадцатого, я начала складывать документы обратно.

Соня взяла у меня старую справку и аккуратно разгладила помятый угол.

— Мам, я тоже хочу тебе кое-что показать.

Я посмотрела на нее.

— Что?

— Подожди.

Она ушла в комнату.

Вернулась с тонкой пластиковой папкой, в каких обычно хранят рисунки.

Положила ее на стол, достала несколько распечаток, сложенных в отдельный прозрачный файл.

— Сначала я нашла статью, — сказала она. — Потом стала искать все, что было опубликовано про «Спутник».

Я взяла первый лист.

На нем был скриншот страницы школьного проекта.

— Нам дали задание рассказать о городе, с которым связана наша семья, — объяснила Соня. — Я выбрала Ключевск. Ты же говорила, что мы жили там до переезда.

— Да.

— Мне понадобились фотографии старых зданий. Я искала в интернете, какие из них сохранились. И нашла статью про обрушение.

Она подождала, пока я перелистаю страницу.

— Потом стала искать по папиной фамилии.

— Власов.

— Да. У меня же есть свидетельство о рождении. Там его данные.

Я посмотрела на дочь.

Еще весной мне казалось, что она случайно наткнулась на старую публикацию.

На самом деле у нее был совершенно обычный путь поиска.

Никаких тайных архивов.

Фамилия из семейного документа, строка поиска и несколько ссылок.

— Потом я нашла группу памяти, — продолжила Соня. — Там люди каждый год выкладывают фотографии погибших.

Она показала следующий лист.

На нем были имена девяти человек.

Я пробежала глазами список.

Павел Власов.

Знакомая фамилия обожгла сильнее, чем газетный заголовок.

Рядом стояли имена людей, которых я почти не знала.

Имена тех, кто в тот день пришел в дом культуры на открытие.

— Я сначала просто читала сообщения, — сказала Соня. — Потом написала администратору группы.

— Кому?

— Михаилу Рудневу.

Я подняла голову.

— Координатору волонтеров?

— Да.

— Он ведет эту группу?

— Помогает с ней. Там еще несколько человек, но он отвечает на сообщения.

— И что ты написала?

Соня пожала плечами.

— Что я дочь Павла Власова. Что хочу понять, почему в одних публикациях говорится, что папа спасал людей, а в других — что он виноват в обрушении.

— Он ответил?

— Не сразу. На следующий день. Сказал, что по переписке такое не объяснить, но у него есть контакты людей, которые могут что-то помнить.

Я посмотрела на дату сообщения.

Конец мая.

— А в июне ты записалась в волонтеры.

— Да.

— Потому что он предложил?

Соня задумалась.

— Не совсем. Я сама хотела. Он рассказал, чем занимается их группа при библиотеке. Сказал, что можно помогать людям и заодно познакомиться с теми, кто участвовал в памятных мероприятиях.

— Он сразу предложил тебе встретиться с Малининым?

— Нет. Сначала я вообще не знала, кто такой Борис Сергеевич. Мне дали обычное поручение: помочь с телефоном. Потом мы разговорились. Он спросил, откуда моя фамилия, потому что я сказала, что родилась в Ключевске.

— И?

— Я рассказала про папу.

Она поправила файл.

— Он очень странно отреагировал. Сначала долго молчал, потом спросил, уверена ли я, что отец работал именно на «Спутнике». Я сказала, что уверена. Он попросил назвать полное имя.

— И после этого?

— Сказал, что знал его.

Я почувствовала, как все внутри сжалось.

— Что еще?

— Не сразу много. Он вообще не любил рассказывать о ремонте. Я несколько раз спрашивала, а он переводил разговор на другое.

— Но потом все-таки рассказал.

Соня кивнула.

— В августе.

Она достала еще один лист.

На этот раз это была копия старого служебного документа.

Бумага чуть пожелтела по краям. В верхнем углу виднелась отметка копировального аппарата.

Я осторожно взяла лист.

В шапке было указано:

«Администрации дома культуры „Спутник“».

Ниже — фамилия руководителя отделочной бригады.

Власов Павел Сергеевич.

Я перечитала ее дважды.

Дата — десятое сентября 2014 года.

Текст был коротким.

Павел сообщал, что выявленные нарушения требуют устранения до открытия здания. Указывал, что дальнейшие работы его бригады остановлены до принятия необходимых мер, и просил не проводить мероприятие в помещениях, безопасность которых не подтверждена.

Под текстом стояла его подпись.

Та самая угловатая, неровная.

Я знала ее.

Павел всегда слишком сильно нажимал на ручку, когда подписывал документы.

Внизу копии виднелась отметка о получении.

Дата.

Подпись.

Фамилия Зориной.

Я не сразу смогла оторвать взгляд от листа.

— Где ты это взяла? — спросила я.

— Борис Сергеевич дал.

— Когда?

— Семнадцатого августа.

Я подняла глаза.

— Ты запомнила точную дату?

— Да. Мы тогда долго разговаривали. Я потом записала все в блокнот, чтобы не забыть.

— У него был оригинал?

— Он сказал, что сохранил. Мне дал копию.

Я снова посмотрела на подпись Павла.

Двенадцать лет назад муж говорил мне, что остановил работы.

Я не знала, что он оформил предупреждение письменно.

Не знала, что документ вообще существовал.

И теперь передо мной лежала его копия, которую наша дочь получила у человека, с которым познакомилась через волонтерский проект.

— Почему ты не показала мне это раньше? — спросила я.

Соня подняла брови.

Я тут же поняла, насколько нелепо прозвучал вопрос.

— Прости, — сказала я. — Я знаю почему.

Она молча кивнула.

Я перечитала документ.

— Ты понимаешь, что копия сама по себе еще не доказывает всех обстоятельств?

— Михаил тоже так говорил.

Я подняла голову.

— Что именно?

— Что нужно проверить подлинник, другие документы, техническую экспертизу. Что одного письма недостаточно, чтобы объяснить, почему обрушилось здание.

— Он прав.

— Знаю. Поэтому я и не стала сразу выкладывать его в интернет.

Я посмотрела на дочь.

— Ты собиралась?

— Сначала хотела. Очень. Потом поняла, что если что-нибудь неправильно пойму, это только навредит.

Впервые за вечер я почувствовала не страх, а уважение к ее осторожности.

Соня могла вести себя упрямо, спорить и скрывать встречи.

Но она хотя бы понимала, что найденный документ нельзя превращать в окончательный приговор кому-либо.

— Борис объяснил, почему хранил его? — спросила я.

Дочь помолчала.

— Сказал, что иногда люди оставляют бумаги, потому что боятся того, что может случиться.

— Какие люди?

— Он не уточнил.

Я посмотрела на копию.

— А ты спросила, почему он не показал ее раньше?

— Да.

— Что он ответил?

— Разозлился.

— На тебя?

— Не совсем. Сказал, что я слишком молодая, чтобы судить о чужих поступках. Я ответила, что мне не нужно быть старой, чтобы понимать разницу между правдой и ложью.

Я невольно узнала в этих словах свою дочь.

Она могла быть невероятно точной, когда сердилась.

И совершенно не замечать, насколько больно попадает.

— Он потом извинился, — добавила Соня. — Мы еще долго разговаривали.

Я положила копию на стол.

— Можно я ее сфотографирую?

Соня кивнула.

Я сделала несколько снимков, проверила, чтобы дата и подписи были читаемыми.

Потом аккуратно вернула лист дочери.

Она удивилась.

— Ты не хочешь оставить?

— Это твоя копия. Ты ее получила. Пусть пока хранится у тебя.

Соня немного помолчала.

— Спасибо.

Я посмотрела на нее.

— За что?

— За то, что не забрала.

Я почувствовала неприятный укол.

Никогда не считала себя человеком, который отнимает у ребенка вещи просто потому, что он младше.

Но, видимо, дочь видела меня иначе.

Я могла спорить с этим.

Могла напомнить, сколько раз отпускала ее на экскурсии, доверяла деньги, разрешала ездить с классом.

Только сейчас это было бы не к месту.

— Если ты найдешь что-нибудь еще, — сказала я, — покажи мне. Не потому, что я запрещаю тебе искать. Я тоже хочу понять, что произошло.

Соня посмотрела на меня недоверчиво.

— Правда?

— Правда.

— Даже если там будет что-то неприятное?

Я задумалась.

— Попробую.

Она чуть улыбнулась.

— Это хотя бы не обещание, которое ты завтра отменишь.

Мы обе устали.

Я убрала семейные бумаги обратно в папку и предложила продолжить утром.

Соня согласилась.

Когда она ушла спать, я еще долго сидела над фотографией копии предупреждения.

Приближала подпись Павла.

Отдаляла.

Смотрела на дату.

Десятое сентября.

За два дня до смерти.

Все это время мне хотелось верить, что муж не стал бы сознательно подвергать людей опасности.

Но вера была только моим чувством.

Теперь появилась бумага.

Она еще ничего не решала окончательно.

Зато впервые за двенадцать лет у меня возникло ощущение, что я могу не просто вспоминать, а проверять.

Четырнадцатого октября я проснулась от звука дождя.

Соня уже собиралась в школу.

В коридоре стоял ее рюкзак, возле зеркала лежала расческа, а на кухне пахло подгоревшим тостом.

Дочь стояла возле открытого окна и размахивала кухонным полотенцем.

— Ты что делаешь? — спросила я.

— Спасая завтрак.

На тарелке лежал кусок хлеба с совершенно черным краем.

— Можно просто выбросить.

— Я уже почти спасла.

Она отрезала обгоревшую часть ножом и осторожно надкусила оставшееся.

Я невольно улыбнулась.

После вчерашнего разговора мне было странно видеть ее такой обычной.

Не загадочную наследницу, не девочку, которая несколько месяцев тайно собирала доказательства.

Просто мою дочь, которая не умела пользоваться тостером, потому что всегда пыталась одновременно делать три дела.

— Сегодня после школы у тебя есть планы? — спросила я.

Соня насторожилась.

— В пять должна зайти в библиотеку. Надо доделать афишу к субботе.

Я кивнула.

— Я хотела бы поговорить с Михаилом.

— Я поняла.

— Ты не против, если мы пойдем вместе?

Она обдумала предложение.

— Наверное, так даже лучше.

— Почему?

— Потому что если ты придешь без меня, потом будешь пересказывать, что он сказал, а я начну спорить, что ты неправильно поняла.

Я рассмеялась.

Соня тоже.

Совсем немного, но после вчерашнего вечера этого оказалось достаточно.

Я написала Михаилу сообщение.

«Доброе утро. Это Нина Рябинина, мама Сони. Хотела бы сегодня поговорить с вами о проекте и о Борисе Малинине. Можно подойти в библиотеку после четырех?»

Ответ пришел через несколько минут.

«Здравствуйте, Нина Андреевна. Конечно. Буду в библиотеке до шести. Соня знает, где наш кабинет. Лучше после половины пятого, к этому времени закончим с выдачей оборудования».

Я показала сообщение дочери.

— Хорошо, — сказала она. — Я освобожусь после уроков и зайду домой.

Она надела куртку.

У двери остановилась.

— Мам.

— Что?

— Ты сегодня будешь читать про папу?

Я посмотрела на нее.

— Да.

— Только не делай никаких выводов до того, как мы поговорим еще.

Я почувствовала, как она повторяет мои собственные слова.

— Постараюсь.

Она кивнула и ушла.

Я закрыла дверь.

Потом вернулась на кухню и убрала обгоревший кусочек хлеба со стола.

Весь день я пыталась заниматься обычными делами.

Оплатила коммунальные услуги.

Разобрала документы, которые откладывала почти месяц.

Постирала постельное белье.

Позвонила Свете, чтобы уточнить, не возникло ли вопросов по ведомости.

Света сказала, что все спокойно, и посоветовала мне наконец воспользоваться отгулом, а не устраивать себе рабочий день дома.

Я пообещала.

После разговора открыла старую папку Павла.

На этот раз смотрела не только на бумаги из следствия, но и на то, что раньше считала ненужным.

Трудовой договор с субподрядной организацией.

Копию приказа о назначении руководителем бригады.

Несколько расписок о получении инструментов.

Ничего, что прямо объясняло бы катастрофу.

Но из этих документов следовало важное: Павел отвечал за определенный участок работ, а не за весь ремонт здания.

Раньше я знала это в общих чертах.

Теперь впервые внимательно прочитала названия организаций.

Одна фамилия повторялась в нескольких бумагах.

Кравцов.

Виктор Сергеевич.

Он действительно имел отношение к компании, руководившей основными работами.

Я посмотрела на его фотографию.

До вчерашнего дня он был для меня просто еще одним человеком из старой истории.

Теперь я знала его голос, видела дом и слышала признание, что Павел предупреждал об опасности.

Странно было понимать, что кто-то двенадцать лет жил с этой информацией, пока я пыталась убедить себя, что ничего нельзя изменить.

Ближе к двум я открыла старые газетные публикации.

Не все.

Некоторые были настолько одинаковыми, что я уже через несколько минут начала путать заголовки.

В одних говорилось о предварительных выводах. В других журналисты ссылались на неназванных специалистов. Где-то использовали осторожное «могли стать причиной», а где-то писали так, будто вина Павла давно доказана.

Я заметила, что имя мужа постепенно появлялось все ближе к началу статей.

В первой публикации его упоминали среди нескольких руководителей работ.

Через неделю — уже в заголовке.

Никто из журналистов, кажется, не задавался вопросом, почему фамилия погибшего человека оказалась удобнее фамилий тех, кто продолжал давать интервью.

Я закрыла браузер.

Мне стало тяжело дышать.

Я открыла окно, постояла у него несколько минут.

Во дворе дворник собирал мокрые листья в большие черные мешки.

На детской площадке никого не было.

Все выглядело совершенно обыденно.

Я вспомнила, как много лет назад после похорон Павла вышла из дома и увидела, что соседка спокойно развешивает белье.

Тогда меня охватила такая злость, что я едва не закричала.

Как она может стирать вещи?

Как люди могут идти на работу, покупать хлеб, разговаривать о погоде?

Неужели никто не понимает, что мир закончился?

Потом постепенно я сама начала делать все то же самое.

Стирать.

Покупать продукты.

Проверять счета.

Платить за квартиру.

И оказалось, что жизнь действительно продолжается, даже если ты против.

Я закрыла окно.

В три часа Соня прислала сообщение:

«У нас последний урок закончился раньше. Буду дома минут через сорок».

Я ответила:

«Хорошо. В библиотеку пойдем вместе».

Она поставила сердечко.

Я убрала телефон.

И впервые за много лет подумала, что, возможно, ошибалась не только в том, что скрывает от дочери.

Возможно, я ошиблась и в том, что считала прошлое законченным.

Районная библиотека находилась на первом этаже старого кирпичного здания возле площади.

Снаружи она выглядела неприметно: выцветшая вывеска, металлические перила возле лестницы, объявление о часах работы, приклеенное скотчем к стеклянной двери.

Но внутри было тепло и шумно.

В холле пахло бумагой, мокрой одеждой и кофе из автомата.

Возле стенда с новыми поступлениями стояли две пожилые женщины. Одна держала в руках телефон, а вторая объясняла, почему не может найти сообщение от внучки.

— Я же тебе говорю, вот сюда нажимай!

— Нажимаю!

— Не туда!

Соня улыбнулась.

— Это к нам.

Мы прошли мимо.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти в бордовом кардигане. На столе перед ней лежал толстый журнал, ручки и связка ключей с ярко-желтым брелоком.

— Сонечка! — воскликнула она. — А мы тебя уже ждали. Там у Кати принтер снова решил, что он умнее всех.

— Я сейчас, Вера Константиновна.

Женщина заметила меня.

— А это мама?

— Да. Нина Андреевна.

Мы поздоровались.

Вера Константиновна улыбнулась.

— Очень приятно. У вас замечательная девочка. Только ужасно упрямая.

— Это семейное, — сказала я.

Соня закатила глаза.

— Вы обе договорились?

— Нет, — ответила библиотекарь. — Просто у меня есть опыт общения с подростками.

Она повернулась к Соне:

— Если будете брать дополнительный планшет для занятия, запишите номер в журнал.

И ключ от подсобки потом верните, пожалуйста.

Соня кивнула.

Вера Константиновна открыла журнал и отметила что-то ручкой.

Над входом в коридор висела небольшая камера наблюдения. Я заметила ее, потому что, снимая мокрый шарф, подняла голову к потолку.

Дальше тянулся узкий коридор с дверями по обе стороны.

На стенах висели афиши, фотографии городских мероприятий, расписание занятий.

Соня уверенно пошла вперед.

Я следовала за ней и неожиданно почувствовала себя человеком, которого привели в чужую школу.

Дочь знала, где находятся кабинеты, с кем нужно поздороваться, что лежит в каком шкафу.

Здесь у нее была жизнь, в которой она не нуждалась в моих объяснениях.

Из открытой двери доносились голоса.

— Николай Васильевич, если вы будете каждый раз нажимать на зеленую кнопку, у вас телефон начнет звонить, а не отправлять сообщение.

— А зачем мне тогда зеленая кнопка?

— Чтобы звонить.

— Так я и хочу позвонить!

— Но вы же минуту назад хотели написать!

— Передумал!

Соня рассмеялась.

— Вот это наш обычный вторник. Только сегодня среда.

В комнате стояли несколько столов. На одном лежали планшеты, зарядные кабели и пачка распечатанных инструкций с крупными буквами. За другим сидели две девушки и пожилой мужчина, который увлеченно спорил с телефоном.

На стене висела афиша, похожая на ту, которую Соня делала дома.

Только теперь она была распечатана.

— Это твоя работа? — спросила я.

— Ага. Мы вчера доделали.

Я подошла ближе.

На афише разноцветные фигуры людей соединялись тонкими линиями, похожими на телефонные провода.

Внизу было написано:

«Не получается? Покажем спокойно и без спешки».

Я вспомнила, сколько времени дочь потратила на выбор шрифта.

И как раздражалась, когда я предложила сделать заголовок крупнее.

Теперь увидела, что она была права.

Афишу действительно можно было прочитать издали.

— Красиво, — сказала я.

Соня подозрительно посмотрела на меня.

— Ты точно не собираешься сказать, что заголовок надо увеличить?

— Нет.

Она улыбнулась.

— Тогда запомню этот день.

Из соседней комнаты вышел мужчина.

Среднего роста, крепкий, с коротко подстриженными темными волосами, в которых уже заметно серебрилась седина.

На нем был темный свитер и простые брюки.

В одной руке он держал коробку с удлинителями, в другой — бумажный стаканчик кофе.

— Софья, — сказал он. — У меня к тебе претензия.

Дочь остановилась.

— Какая?

— Кто написал на коробке с планшетами «не кантовать, внутри пенсионеры»?

Соня прикусила губу.

— Возможно, я.

— А кто потом полчаса объяснял курьеру, что мы никого не перевозим?

Она рассмеялась.

Мужчина тоже улыбнулся.

Потом посмотрел на меня.

— Нина Андреевна?

— Да.

Он поставил коробку на стол и протянул руку.

— Михаил Руднев. Рад познакомиться лично.

Рукопожатие было обычным.

Ни слишком крепким, ни вялым.

— Спасибо, что нашли время, — сказал он. — Простите за беспорядок. У нас сегодня занятие затянулось.

— Ничего страшного.

— Соня, поможешь Кате с принтером? Я пока поговорю с мамой. Потом вместе обсудим все, что касается проекта.

Соня посмотрела на меня.

Я кивнула.

— Иди.

Она задержалась на секунду.

— Только без взаимных обвинений, ладно?

Михаил улыбнулся.

— Договорились.

Дочь ушла в соседнюю комнату.

Михаил предложил мне пройти в небольшой кабинет за читальным залом.

Внутри стояли два письменных стола, шкаф с папками и старый диван возле окна.

На подоконнике лежали разобранные зарядные устройства.

— Присаживайтесь, — сказал он. — Чай, кофе?

— Спасибо. Я ненадолго.

— Как скажете.

Он сел за стол, но не стал отгораживаться от меня монитором.

— Я понял, что разговор связан с Борисом Сергеевичем.

— Да.

Михаил кивнул.

— Очень жаль, что все так получилось.

Я посмотрела на него.

— Вы хорошо знали Бориса Малинина?

— Достаточно давно. Последние месяцы общались чаще.

— А мою дочь?

— С июня. Она пришла в проект после переписки о старых материалах из Ключевска.

Он произнес это спокойно.

Не делал вид, будто разговор о прошлом Павла для него неожиданность.

— Соня рассказала, что вы помогали ей искать сведения об отце.

— Помогал. Но искать и сопоставлять информацию она начала сама. Я лишь подсказал, к кому можно обратиться.

— Вы знали Павла Власова?

Михаил немного изменился в лице.

Не резко.

Просто улыбка исчезла.

— Лично мы почти не общались, — ответил он. — Но я помню его фамилию с четырнадцатого года.

— Почему?

Он посмотрел на дверь.

Потом поднялся.

— Пойдемте, я покажу вам кое-что.

Я нахмурилась.

— Что именно?

— Это проще увидеть.

Мы вышли в коридор.

Михаил провел меня к стенду возле окна.

Я уже проходила мимо, но не обратила на него внимания.

На стенде висели фотографии людей.

Под каждой — имя, даты жизни, несколько коротких строк.

Сверху было написано:

«Мы помним. 12 сентября 2014 года».

Я остановилась.

Павла увидела почти сразу.

Небольшой портрет, который я сама когда-то передавала для памятной публикации.

Он улыбался.

Светлая рубашка, короткая стрижка, чуть прищуренные глаза.

Я протянула руку, но не прикоснулась к фотографии.

— Это мой муж, — сказала я.

Михаил стоял рядом.

— Знаю.

Я перевела взгляд на другие снимки.

Девять человек.

Девять имен.

На одном портрете была молодая женщина с длинными темными волосами. Она смотрела в камеру серьезно, почти строго.

Под фотографией значилось:

«Алина Руднева. 1985–2014».

Я посмотрела на Михаила.

— Это ваша родственница?

Он кивнул.

— Жена.

Я снова посмотрела на портрет.

Двадцать девять лет.

Ей было двадцать девять, когда она погибла.

— Мне очень жаль, — произнесла я.

— Спасибо.

Мы постояли молча.

В холле кто-то смеялся. Из соседнего кабинета доносился голос Сони, объяснявшей, почему принтеру нужно дать несколько минут остыть.

Михаил посмотрел на фотографию жены.

— Она любила такие мероприятия, — сказал он. — Не столько концерты, сколько подготовку. Могла три часа спорить, где лучше поставить стулья, а потом сама таскать их из одного зала в другой. В тот день тоже помогала с открытием.

Он произнес это без надрыва.

Будто рассказывал о давно знакомом человеке, который просто задержался где-то по делам.

— Вы были там? — спросила я.

— Нет. Я приехал уже после.

Он сделал паузу.

— Иногда думаю, что, если бы она не пошла, все было бы иначе. Хотя понимаю, насколько бессмысленна эта мысль.

Я кивнула.

Ее бессмысленность была мне слишком хорошо знакома.

Я двенадцать лет думала, что могла бы удержать Павла дома.

Спрятать ключи.

Устроить скандал.

Притвориться больной.

Любой повод казался лучше того, что произошло.

— Вы давно ведете эту памятную группу? — спросила я.

— С первых годовщин. Сначала мы просто собирали фотографии. Потом начали искать документы, помогать родственникам, следить за публикациями.

— И Соня написала вам в мае.

— Да.

Он посмотрел на портрет Павла.

— Я сразу понял, кто она. Фамилия матери была другой, но имя и отчество совпадали. К тому же она приложила ссылку на старую статью.

— Почему вы не связались со мной?

Михаил повернулся ко мне.

— Соня сказала, что вы не хотите обсуждать прошлое. Я предложил ей сначала поговорить с вами еще раз.

— Она не стала.

— Да.

Он не пытался оправдать ее.

— Но дальше вы все равно помогали.

— Помогал. Она искала не сенсацию и не повод поссориться с вами. Ей нужны были ответы.

Я почувствовала раздражение.

— Вы не считаете странным, что взрослый мужчина помогает несовершеннолетней девушке встречаться с людьми, связанными с трагедией двенадцатилетней давности, и не сообщает об этом ее матери?

Михаил выслушал вопрос до конца.

— Мне следовало раньше связаться с вами и настоять на вашем участии, — сказал он. — Но я не организовывал тайных поездок в неизвестные места. Большинство встреч проходило в библиотеке или в рамках обычных волонтерских поручений. Соня занималась здесь настоящей работой. Вы оставили контакт при регистрации.

— Контакт для экстренных случаев. Не согласие на расследование.

— Верно.

Он не стал спорить.

И почему-то это обезоружило меня сильнее, чем любые оправдания.

— Я не хочу, чтобы вы думали, будто Соню здесь использовали, — продолжил он. — Она действительно помогает людям. И делает это хорошо. Вон там Николай Васильевич уже третий месяц учится отправлять фотографии. С другими волонтерами он ругается через десять минут, а с Соней может сидеть час.

Я посмотрела в сторону читального зала.

Дочь склонилась над столом возле принтера. Рядом стояла Катя, что-то показывая на экране ноутбука.

Они переговаривались и смеялись.

Помощь пожилым людям не служила предлогом для встреч с Борисом. Соня действительно занималась этой работой и дорожила ею.

— Я видела, что она помогает, — сказала я.

Михаил кивнул.

— Тогда вы понимаете, почему к ней привязался Борис Сергеевич.

Мы вернулись в кабинет.

Я села на прежнее место.

— Вы знали о завещании Малинина?

Михаил не ответил сразу.

Поставил на край стола бумажный стаканчик с давно остывшим кофе.

— Да.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— С какого времени?

— С конца сентября. Борис рассказал, что оформил распоряжение в пользу Софьи.

— И вы не сказали мне?

— Нет.

— Почему?

— Он попросил сохранить разговор между нами. Сказал, что пока не хочет пугать девочку.

— Пугать?

Михаил чуть нахмурился.

— Это его слово. Он был человеком своеобразным. Мог обижаться, мог принимать решения, которые другим казались неожиданными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.